

никогда не предаю
ПАША ЛЕОНДОРФ
обещаю...

Мнемоинтарсия

Досье 1

ЖИВЫЕ

НЕ ВЫПОЛНЯЮТ

ОБЕЩАНИЙ

обещаю любить
и обязательно приеду
обещаю всегда быть рядом...
обещаю заботиться
никому ничего не скажу

18+

Таша Леондорф

Живые не выполняют обещаний

«Автор»

2026

Леондорф Т.

Живые не выполняют обещаний / Т. Леондорф — «Автор», 2026

Обещая что-либо близким или просто знакомым людям, стоит задуматься над тем, как сдержать свое слово. Пока вы еще живы. Ведь рядом может оказаться человек, который очень не любит, когда обещания не выполняют.

В жизни Николь Донован начинают происходить пугающие события, постепенно стирающие тонкую грань между её воображением и реальностью. Череда загадочных смертей одного за другим забирает у девушки всех родных и друзей. Что это – странные совпадения или же последствия невыполненных обещаний? Чтобы выяснить, кто и почему так жестоко наказывает её близких, Николь предстоит восстановить границы собственных фантазий и встретиться с самым мрачным из своих кошмаров, пробравшимся в реальный мир.

Содержание

Часть I. Ложный след	8
Глава 1. Зачем розам шипы	10
Глава 2. Смерть как оправдание	16
Глава 3. Страх выходит на охоту	22
Глава 4. В объятиях темноты	30
Глава 5. Ладан, тлен и белые цветы	38
Глава 6. Мёртвая птица	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Таша Леондорф

Живые не выполняют обещаний

Взгляд монстра

Длинные острые зубья упирались в нижнюю челюсть по обе стороны шеи. Человек осторожно повел подбородком, едва заметно меняя положение и усиливая нажим. Он чувствовал, как его кожа растягивается и сопротивляется холодному металлу. Немного запрокинув голову, он еще подался вперед, с интересом изучая забытые ощущения.

Страх не было, только любопытство исследователя. Когда-то давно он уже проводил подобный эксперимент, выясняя возможные варианты нанесения повреждений, несовместимых с жизнью. Но ни тогда, ни сейчас самоубийство не входило в его планы. Впрочем, использовать садовый инструмент в качестве оружия он тоже не собирался. Его интересовала только физиология процесса: направление, угол наклона зубьев и их прохождение через мягкие ткани и сосуды.

Затаив дыхание, он слегка отстранился, погладил указательными пальцами заостренные кончики и задвинул вилы обратно в стойку. Перед глазами появилось бледное лицо Николь. Девушка ужаснулась, когда он ткнул расставленными пальцами ей в шею. Ткнул как раз в те же самые точки, в которых мгновение назад сам испытывал боль и давление. Но, если у него это действие не вызвало никакого эмоционального отклика, то Николь запаниковала.

– Она испугалась, – пробормотал он, в очередной раз утверждаясь в собственных выводах: произнесенные вслух, они теряли налет сомнений. – Решила, что я ей угрожаю, и поэтому сбежала.

Мужчина покачал головой и внимательно осмотрел стеллажи с инвентарем, задержавшись взглядом на новых мешках и канистрах с удобрениями. Дети обычно сюда не заходили, но он вдруг подумал, что садовнику теперь не надо убирать эту химию подальше – в доме не осталось никого из недоумков, которые могли бы сдуру её наглотаться.

Здесь больше не было ничего важного, поэтому он погасил свет и покинул рабочую пристройку.

Шагнув в ночную тишину сада, раскинувшегося вокруг семейного особняка, он с удовольствием вдохнул свежий воздух, ощущая, как тот заполняет легкие и проясняет сознание. Он всегда любил работать по ночам, засиживаясь до того момента, когда небо начинало едва заметно светлеть. Только тогда с огромным сожалением заставлял себя потратить пару часов драгоценного времени на сон – самое бесполезное занятие, которое было всего лишь вынужденной мерой поддержания организма.

Днем он тоже не спал – были другие заботы, суета, люди... Он отдыхал от звуков и чьего бы то ни было присутствия ночью. Ночь была его надежным напарником: не раздражала и не мешала думать, анализировать накопившиеся впечатления или строить планы.

Яркий диск растущей луны выглянул из-за облаков. Мужчина прищурился, всматриваясь в рисунок на сияющем круге со смазанным краем. При наличии фантазии и очень большом желании можно принять размытые пятна за желто-коричневые вкрапления на воображаемой радужной оболочке. Он усмехнулся: действительно, похоже на глаз. Серебряный глаз бесплотного монстра, о котором Николь писала в своем дневнике. И которого тоже боялась. Слишком много у нее было разных страхов. Плодородная почва для культивирования тревожных состояний и того, что за ними следует.

Погрузившись в размышления, мужчина обогнул дом и остановился только около старого дуба. Невысокий садовый фонарь подсвечивал крону дерева, а заодно услужливо освещал плюшевую птицу с большими грустными глазами, лежащую у основания ствола. Осознав, что

ночная прогулка чересчур откровенно уводит к воспоминаниям, мужчина недовольно поморщился. Не в его характере впадать в уныние из-за выцветшей оранжевой метки, заботливо оставленной под деревом кем-то из персонала его школы и теперь торчавшей здесь, как бельмо на глазу. Все воспитанники были ему одинаково безразличны. Все, кроме Николь. А теперь она пропала.

Он потер виски и запустил пальцы в волосы, массируя затылок. Свел лопатки, потянулся и почувствовал новый прилив энергии. Пожалуй, стоит пройтись до ворот. В очередной раз, так же как он делал это последние несколько ночей, пытаясь представить, каким образом девушке удалось убежать.

Направляясь по дороге, ведущей от дома, он прокручивал в голове детали побега, надеясь, что не ошибается в своих предположениях.

Николь стащила у него электронный ключ. Из гаража пропал мотоцикл, которым она не умеет управлять. Значит, Майк все-таки ей помог. Одна бы она ни за что не справилась. Он толкал мотоцикл до ворот, которые Николь открыла украденным ключом, затем они вместе прошли дальше по дороге и только потом завели двигатель и уехали. Скорее всего, так и было. Добравшись до города, бросили ставшее ненужным железо и пересели на поезд. Во всяком случае, в полиции подтвердили, что Николь брала билет, и оставленный на парковке около супермаркета мотоцикл тоже нашли.

Паршивец Майк. Похоже, девушка действительно сильно перепугалась, раз он тут же бросился к ней на помощь. Вернуть бы её и объяснить, что она всё неправильно поняла.

Отсутствующий взгляд мужчины был направлен в темноту за коваными прутьями ворот, когда в кармане джемпера зазвонил сотовый телефон.

Шумно выдохнув, мужчина тряхнул головой и достал аппарат. Он не торопился отвечать: телефонный звонок посреди ночи обычно не предвещает ничего хорошего. Никому даже в голову не придет мысль разбудить родственника или просто знакомого после полуночи только ради того, чтобы поделиться с ним радостной новостью. Счастье может потерпеть и до утра.

А вот печальное событие или трагическая неожиданность ждать не будут. Для них не существуют временные ограничения или рамки приличия. Они стремительно врываются в дом, безжалостно выдергивая из спокойствия и разрушая привычное течение жизни, разбивая разум на тысячи осколков, терзая душу нескончаемым сожалением, гневом, непониманием и неприятием, единственное спасение от которых – отстраненное безразличие.

Впрочем, он сам сказал сотрудникам полиции, что они могут звонить ему в любое время дня и ночи. Еще немного помедлив, он ответил на звонок:

– Слушаю!

– Мистер Кроуфорд?

– Джарет Кроуфорд, – уточнил он, хмурясь и пытаясь справиться с внезапным волнением.

– Мистер Кроуфорд, это детектив Кен Паркин. Мы нашли вашу подопечную, Николь Донован.

Лицо Джарета дернулось: по личному опыту он знал, что с хорошими новостями полиция точно не стала бы спешить.

– С ней все в порядке?

Короткая пауза, повисшая в разговоре, показалась Джарету красноречивее любых слов. Он замер, прислушиваясь к парализующему его ледяному спокойствию, смешанному с ощущением обреченности и бессилием что-либо изменить. Затем повторил вопрос, тяжело роняя каждое слово:

– С ней все в порядке?!

– Сожалею, мистер Кроуфорд. Мы выясняем обстоятельства её гибели. Вам нужно приехать для опознания...

Дальше Джарет не слушал. Опустив руку с телефоном, он смотрел в темноту за воротами.

Часть I. Ложный след

Даже если кто-то ведёт вас по дорогам лжи и обмана, у вас всё равно есть шанс добраться до истины

Similitudo veritatis*

(*Подобие правды)

«Хрупкая угловатая девушка с короткой мальчишеской стрижкой сидела на стуле около окна, подтянув колени к груди и сжавшись в комочек. Уныло-серый больничный халат, небрежно наброшенный поверх слишком свободной и полинявшей синей пижамы, свисал по бокам, как крылья гигантской моли. Длинные просторные рукава скрывали запястья и доходили почти до середины ладоней, тыльную сторону которых покрывали многочисленные ссадины.

Не отрывая отсутствующего взгляда от затянутого тяжелыми тучами неба, девушка непрерывно перебирала тонкими пальцами, складывая их в разные фигуры и выгибая, и задумчиво размышляла вслух:

– Люди всегда что-то друг другу обещают. Любить вечно, хранить тайны и никому ничего не рассказывать, защищать и оберегать, помогать и заботиться. Обещают что-то сделать или, наоборот, чего-то не делать, позвонить или приехать. Родители обещают не бить своих детей, а потом превращают их в боксерские груши. Мужья обещают не бросать жен, а потом уходят и заводят новые семьи. Друзья дают обещания, а потом начинают врать и изворачиваться.

Она ненадолго замолчала, слегка наклонив голову в сторону и прислушиваясь. Затем кивнула, словно соглашаясь с собственными мыслями, и продолжила:

– Да сколько еще пустых и нелепых обещаний произносится каждый день? Люди всегда что-то обещают в эмоциональном порыве. А сами потом предают свои слова и всё забывают. Никто не задумывается о последствиях. Затем следуют новые обещания, уже кому-то другому. А предыдущие, невыполненные, с ними как быть? Они, конечно, могут со временем стереться из памяти, совершенно бесследно. Или останутся глубокими ранами в душах тех, кому они давались. Незаживающими ранами. А вот еще одно из самых глупых обещаний – всегда быть рядом. Редко кому под силу его сдержать. Оно почти невыполнимо.

– И поэтому вы считаете, что есть некто, наказывающий всех, кто не выполняет свои обещания? – последовал уточняющий вопрос врача, сидевшего чуть поодаль. – Или вы решили взять эту роль на себя?

– Нет, – девушка замотала головой. – Я никого не наказывала! Я всех прощала, хотя мне было больно и обидно. Я понимала, что они просто переоценивают свои возможности. Может быть, им не позволяли обстоятельства. Я всегда нахожу для всех оправдание.

– А Майк? Он тоже находил оправдание для этих людей?

– Об этом лучше спросить у него, – пожала плечами девушка и начала раскачиваться из стороны в сторону, продолжая разглядывать вид за окном. – Майк суровый, я знаю, но он единственный, кто поддерживал и защищал меня все это время. Он единственный, кто выполнял все, что обещал. И он никогда меня не предавал.

– Николь, ты сказала про обещание родителей не бить своих детей. Это относится к твоей семье? Родители тебя били?

Пальцы на мгновение замерли, потом правая рука взметнулась вверх, показывая на окно.

– Посмотрите, как красиво. Тучи... Они похожи на шторм в океане, только вверх ногами. Я могла бы их нарисовать. Наверное, лучше сухой пастелью... или акварелью. Я могу попросить кисточки или мелки?

– Я подумаю, что можно для тебя сделать, – врач сделал пометку в своем блокноте.

Николь резко обернулась:

– Вы обещаете?

– Я обещаю подумать, – слегка улыбнувшись, уточнил врач. – Если ты ответишь на мой вопрос.

Девушка снова отвернулась к окну и продолжила выгибать пальцы так, что стало слышно, как пощелкивают суставы.

– Мама, – немного подумав, сказала она. – Однажды я чем-то её разозлила, и она хлестнула меня полотенцем... таким, знаете, мокрым и очень тяжелым. Я отлетела в сторону и сильно ударилась головой о стену. Конечно, я сама была виновата, слишком капризничала и вывела её из себя... наверное... я точно не помню. Мама тогда пообещала больше никогда так не поступать. Еще как-то раз отлупила игрушечным мишкой... не очень большим, плюшевым, и даже не больно, а, скорее, очень-очень обидно. А потом она научилась наносить удары словами, но уже гораздо жестче и больнее.»

Детектив Кен Паркин нажал на паузу и изображение на экране застыло. Он перевел взгляд на кровать-трансформер, на которой лежал темноволосый мужчина, затянутый в фиксирующий корсет.

– Если ты плохо себя чувствуешь, мы можем досмотреть запись немного позже, – предложил Кен, заметив, как тот побледнел.

– Мне тяжело видеть Николь там. Я очень хотел ей помочь. И сделал большую глупость... когда пообещал ей это. Теперь, наверное, останусь инвалидом на всю жизнь, – с заметным усилием выдавливая из себя каждое слово, ответил мужчина в корсете и внимательно посмотрел на собеседника. – Могу только предположить... почему тебе удалось выжить в этом кошмаре.

Кен проглотил трудный ком, стоявший в гортани, потом кивнул:

– Думаю, что твое предположение окажется верным. Я не обещал ничего такого, чего не мог бы выполнить. Я вообще никому не давал никаких обещаний. Просто делал то, что должен был делать.

– Значит, тебе повезло, – человек на кровати едва заметно усмехнулся. Он, по-видимому, смог справиться с мыслями и продолжил уже намного увереннее: – Что ж, возможно, ты и дальше останешься таким же везунчиком. Только помни, что сейчас к словам Николь нельзя относиться, как к официальным показаниям. По крайней мере дождись окончания лечения. Она все еще блуждает в своей иллюзорной реальности.

– Скорее всего, это уже не мне решать, считать ли её показания официальными. Я в данной ситуации не просто пострадавший, а еще и непосредственный участник событий. Мне и встречаться-то с ней тяжело, не говоря уже о том, чтобы вести допрос. Ты, кстати, тоже не рассчитывай, что сможешь провести психиатрическое освидетельствование Николь.

– Думаешь, я не понимаю? – ровным голосом произнес брюнет, слегка приподняв левую бровь. – Дело не в моем состоянии, я прав? И не в том, что она пыталась меня убить.

Кен снова кивнул, исподлобья рассматривая лежащего на постели человека, и, поскольку тот надолго замолчал, закончил мысль за него:

– Она слишком часто упоминает твое имя, Джарет.

Глава 1. Зачем розам шипы

«Никто и ничто не будет тебе угрожать»

Когда-то, много лет тому назад, я убила человека.

Это произошло настолько давно, что я уже даже не могу вспомнить, кто это был: мужчина или женщина, молодой или старый, чужой или знакомый. И я совершенно ничего не помню о том, как это сделала. Но факт остается фактом: я кого-то убила, потом расчленила труп и спрятала – закопала в парке на детской площадке, под песочницей. Не знаю, сколько времени прошло с тех пор. Достаточно много для того, чтобы теперь не испытывать чувства вины за содеянное.

Но сегодня, глядя из окна своей комнаты на играющих в песке детей, я вдруг с нарастающей паникой начала сознавать: вот именно сейчас кто-нибудь из них случайно обнаружит останки. Начнутся поиски убийцы, и улики обязательно приведут ко мне. В результате меня арестуют и посадят в тюрьму. Почему-то сильнее всего беспокоила именно неизбежность наказания, а не сам эпизод убийства.

Спина и руки покрылись липким холодным потом, по всему телу пробежали мурашки, а в горле застрял тяжелый давящий ком, мешавший вдохнуть. Одна за другой подкатывались гигантские волны ужаса, в которых захлебывались и тонули доводы разума. Истошно вопивший от страха внутренний голос сводил на нет жалкие попытки сохранить спокойствие. Меня словно разрывало на две половины; они спорили и что-то друг другу доказывали.

С одной стороны, вполне резонно предположить: поскольку за такое продолжительное время никто ничего не нашел, это убийство может сойти мне с рук. В конце концов, о нем знаю только я. Теперь главное – не поддаться панике и не выдать себя, несмотря на возникшее вдруг желание пойти в полицию и сдать себя самой. С другой стороны, забыть об этом очень трудно, а подобное знание не дает жить полноценно и счастливо. Но мысль о том, что я могу оказаться в тюрьме, а точнее – получить по заслугам, просто невыносима! Нужно бежать и прятаться, немедленно!

Дышать становилось все труднее, словно кто-то сжал ребра, не позволяя легким наполняться. Вынуждая хватать воздух ртом, подобно рыбе, вырванной из привычного водного мира и выброшенной на берег. Страх заполнил каждую клетку тела, вытеснил остальные ощущения и стал просачиваться наружу через истончившуюся кожу. В какой-то момент показалось, будто в этой наполненной ужасом оболочке не осталось места и для души, которая вдруг начала медленно испаряться. Все вокруг поплыло и закружилось, пол ушел из-под ног. Кажется, я теряю сознание и падаю...

Вздрогнув, я открыла глаза и увидела перед собой в неожиданно потемневшем стекле окна собственное отражение. Вместо своей комнаты я оказалась в купе поезда. Похоже, провалилась в сон, когда бессмысленно разглядывала мелькающие снаружи деревья.

Сон! Один и тот же сон, повторяющийся с настойчивой периодичностью на протяжении последних двенадцати лет. В нем меняются только некоторые мелкие подробности, но суть остается той же: я кого-то убила, спрятала труп, который обязательно должны вот-вот найти, и неизбежность наказания. И каждый раз я мучительно долго не могу проснуться, и панический ужас затягивается и сводит с ума. Невольно начинаешь задумываться: а не произошел ли этот кошмар наяву, когда-то очень давно, и я действительно могла о нем забыть? Может быть, этот сон – страшная правда обо мне, которую я тщетно пытаюсь задавить и похоронить где-то на задворках своей памяти? События, происходящие в нем, слишком реальны, и, проснувшись, я не просто чувствую, я знаю, что совершила невероятно чудовищный поступок, который до сих пор не дает мне покоя. Единственное, о чем я никак не могу вспомнить, – это кого же я убила.

Встречаясь взглядом со своим отражением в оконном стекле, я восстанавливала в памяти все ужасные события, которые произошли в моей жизни. Да, в моем окружении погибли люди, несколько человек, но я не имею к этому никакого отношения. Или же все-таки имею? Возможно, косвенное, но меня теперь не отпускает чувство вины? И смотреть в глаза своему отражению, оказывается, очень трудно. Оно знает гораздо больше меня, но загадочно молчит и при этом видит меня насквозь.

Бессонница в поезде. Что в такой ситуации делает большинство людей? Банально...

Я тряхнула головой, пытаюсь вернуться в окружающую меня действительность, достала из сумки сигареты и пошла в тамбур. Есть что-то умиротворяющее в приглушенном освещении ночного коридора спящего вагона, ритмичном постукивании колес и черных слепых окнах. Никто ничего не видит и не слышит, но все равно лучше затаить дыхание и красться на цыпочках.

Неприятная неожиданность ждала меня в отведенном для курения месте: оно было уже занято. Конечно, меня бы это не стеснило, будь мои мысли настроены на позитивную волну. Сейчас же мне мешало присутствие посторонних.

Темноволосая девушка стояла около окна ко мне спиной и даже не обернулась, когда я вошла. Я встала у другого окна и отвернулась, нажала кнопку зажигалки и некоторое время вглядывалась в язычок пламени. Ненавижу зажигалки с колесиками, о которые постоянно стираются до крови и потом неделями болят пальцы. Бред. Ведь, если их выпускают, значит, это кому-то нужно. Но меня от них просто необъяснимо бесит. И от ощущений, и от этого невыносимого чиркающего звука.

Наблюдать за огнем можно бесконечно, особенно когда пламя извивается и покачивается под стук колес. Это одновременно ужасное и завораживающее зрелище, поглощающее и успокаивающее, испепеляющее и возрождающее, затягивающее в бездну и придающее сил. А если закурить и добавить дыма... Уверена, девушка у противоположной двери чувствует себя также, я ведь вижу её отражение, хоть и не смотрю на неё. Она также держит в руках зажигалку с танцующим огоньком и выдыхает на нее дым сигареты. Интересно, у неё тоже есть какие-то мучительные сны? Или мысли? Может, стоит поговорить? Мне кажется, что я её знаю, видела днем, возможно, мы даже едем в одном купе. Но я настолько рассеянная, что никогда не запоминаю людей, даже если сталкиваюсь с кем-нибудь нос к носу несколько раз в день. Это лишняя информация, которая не нужна моей и без того слишком замороженной голове.

Очень интересный эффект получается, когда смотришь на свое отражение в одном зеркале через другое. Вот ты, а там – удивительно! – снова ты, но уже немного в другом ракурсе, и тот «ты» тоже смотрит на свое отражение уже в третьем зеркале, которое есть не что иное, как отражение первого. И так до бесконечности, вернее, до той бесконечности, которую ты можешь увидеть. Вот так же и сейчас: двери напротив, отражения в стеклах, и уже невозможно понять, кто есть кто, где я, где мое отражение, где посторонняя девушка, но кто-то из бесконечных нас оборачивается и заводит разговор, в котором нет никакого смысла, но значение которого проникает глубоко в подсознание и надолго оставляет свой след.

* * *

Утром ночные бредни забываются, и можно с легким сердцем наблюдать, как за окном вагона проносятся, сменяя друг друга, большие и маленькие города, леса и поля. Я постепенно успокаивалась: поезд все дальше увозил меня от того места, где я провела почти все свое детство. Колеса стучали то быстрее, то медленнее, но мне все равно казалось, что они монотонно, хоть и немного неравномерно, отсчитывают каждое строение, дерево и каждый столб, мимо которых мы проезжали: раз-два, три-четыре, пять-шесть... И с каждым звуком на душе становилось немного легче, словно постепенно разжимались тиски.

Восемь лет, которые я провела в школе Гарольда Кроуфорда, казались мне сейчас целой вечностью, безвозвратно изменившей мою жизнь. Иногда я думаю, что все могло бы быть иначе, если бы мама не отвезла меня туда. Наверное, все остались бы живы: и мама, и директор, и остальные. И в моей душе не поселился бы этот вечный страх, постоянное мрачное ожидание чего-то ужасного.

На одной из станций, когда я разглядывала в окно чистый немногочудный перрон возле маленького аккуратного здания вокзала, мне очень захотелось выйти и остаться жить именно в таком небольшом тихом городке. Но я сдержала порыв – надо ехать дальше, еще дальше, тем более, что у меня наконец-то появилась надежда затеряться или, по крайней мере, немного запутать следы. Девушка из тамбура, с которой мы разговорились этой ночью, предложила просто гениальное решение. Учитывая наше с ней сходство, мы поменялись документами. Конечно, я не рассказала ей обо всех своих проблемах, и, возможно, она тоже что-то не договорила. Это уже не важно. Она сошла на какой-то станции, и исчезла из моей жизни.

Состав плавно тронулся с места. Я с сожалением провожала взглядом вокзал, людей, стоявших на платформе, и вдруг увидела девочку, которая махала рукой удаляющемуся поезду. Она напомнила мне ту маленькую девятилетнюю Николь, которую когда-то давно, словно в другой жизни, мама привезла в новую школу.

* * *

Помню, как мама восхищалась великолепным зданием, в котором размещалась школа. А я разглядывала этот огромный особняк, со всех сторон окруженный цветами и деревьями, и думала о том, как он похож на сказочный замок, и что наш дом по сравнению с ним – просто маленький сарайчик. Подобный контраст не вызывал во мне ни радости, ни восторга, тем более что предстояло променять родные стены на чужое благополучие. И расстаться с единственным близким человеком, который у меня к тому времени оставался.

Но кое-что смогло тогда смягчить мое сердце и круто изменить настроение – это восхитительное изумление, которое я испытала при виде цветов.

Мы подходили к школе по аллее, с обеих сторон которой росли розы. Вот они-то меня и потрясли. Огромные кусты, вдвое выше меня ростом, были густо усыпаны крупными махровыми цветками самых разных форм и оттенков. Переходя от одной розы к другой, я замечала, как меняется аромат: сначала тяжелый, терпкий, потом легкий, с небольшой кислинкой, то вдруг сладкий и вкусный. Такой же головокружительно-манящий запах разносился по всей нашей улице, когда в пекарне, расположенной в двух кварталах от нас, пекли булочки с корицей. Солнце светило ярко, и мне очень хотелось остаться прямо здесь, на этой аллее, сесть на землю под удивительными кустами, вдыхать многообразие ароматов и рисовать полуоткрывшиеся бутоны.

Я надеялась, что мама остановится и поинтересуется моим мнением об этом волшебном саде, но она спешила и тянула меня за руку. С сожалением я поднялась за ней по ступенькам и вошла в дом.

Здесь все было захватывающе и сказочно красиво, начиная от холла, гостиной, классных комнат, комнат для воспитанников, и заканчивая самыми отдаленными закоулками старинного здания. В холле нас встретили двое удивительно похожих друг на друга мужчин – оба высокие и темноволосые. Тот, который постарше, представился как Гарольд Кроуфорд, директор школы. Брюнета помоложе звали Джарет, и он оказался сыном директора и его основным помощником. Он взял у мамы сумку с моими вещами и коротко предложил проводить в отведенную для меня комнату. Директор сообщил, что будет ждать нас в своем кабинете, и ушел.

Пока мы брели по коридорам, Джарет вкратце рассказал о доме. Оказалось, этот особняк принадлежал его семье и был построен сто с лишним лет назад практически на самом краю

ущелья. За то время, которое прошло с тех пор, дом словно сам пустил корни и пророс в скалы, прочно в них укрепившись. На камнях выросли деревья, а пропасть превратилась в маленькое ущелье, по которому бежал ручей. Такой я и увидела эту школу в первый раз: таинственный замок, окруженный скалами и морем зелени.

Меня поселили в угловой комнате на втором этаже правого крыла здания вместе с моей ровесницей, которую звали Линдси Гринвуд. Невысокого роста, рыженькая, вся в конопушках, девочка, на мой взгляд, оказалась чересчур болтливой. Она запрокидывала голову, поднимая подбородок, наверное, для того, чтобы казаться выше, и всегда что-то торопливо говорила, словно компенсируя словесным потоком мое молчание и разговаривая за нас двоих...

Светлая и уютная комната со старинной мебелью нам очень понравилась: солидный пузатый шкаф, два кресла с резными кривыми ножками, две кровати, около большого окна – длинный узкий стол, за которым мы прекрасно уместались вдвоем, когда делали уроки и рисовали. Обои на стенах были светло-бежевые с розовыми цветами, и к ним в тон оказались покрывала, занавески и обивка на креслах. Из окна открывался сказочный вид на огромный лес – бескрайнее зеленое море, по которому до самой синевы неба иногда пробегали волны перешептывающейся листвы.

После того, как мы разложили вещи, нас с мамой пригласили в кабинет директора.

– Располагайся, Николь, – предложил он мне. – Выбери себе место и посиди тихонько, пока я беседую с твоей мамой. Возможно, мне потребуется узнать твое мнение по некоторым вопросам. Ответишь мне, если я тебя спрошу, ладно?

Я кивнула, потом осмотрелась и выбрала огромное кресло, стоявшее около шкафа с книгами. Мама тем временем присела на стул рядом с темным массивным столом мистера Кроуфорда.

Я не слушала, о чем они разговаривали: количество книг в кабинете вызывало во мне благоговейный трепет, но больше всего в тот момент мне хотелось нарисовать розы, которые меня потрясли настолько, что так и стояли перед глазами. Поэтому уже через несколько минут я осторожно сползла с кресла, подкралась к столу и протянула руку к стопке бумаги.

– Николь! – тихо ахнула мама.

Закусив нижнюю губу, я отвела взгляд сначала в сторону, потом робко, исподлобья, посмотрела на мистера Кроуфорда. Он чуть заметно улыбнулся мне и спросил:

– Уже заскучала? Ты хочешь что-то нарисовать? Тогда бери бумагу. У меня здесь еще и карандаши есть, смотри...

Мама выглядела растерянной. Наверное, она испугалась, что из-за моей выходки меня теперь не возьмут в эту школу.

Мистер Кроуфорд протянул мне коробку с карандашами и несколько листов плотной бумаги:

– Может, из тебя выйдет настоящий художник? Покажешь потом, что у тебя получится?

Именно в этот момент я очень хорошо его рассмотрела. Конечно, девятилетнему ребёнку практически все люди старше тридцати могут показаться древними стариками. Но я благоклонно решила для себя, что этот немолодой уже человек неплохо сохранился: высокий, подтянутый, в черных волосах совсем нет седых ниточек, так же, как на лице нет и морщин, которые в то время я считала верными признаками старости.

– Покажу, – снизошла я до ответа и вернулась в кресло.

Стоило мне только провести карандашом по бумаге, как я тут же забыла и об этом разговоре, и о том, где нахожусь. Это был как раз один из тех случаев, которые мама любила обсуждать со своими подругами. Я словно отключалась от реальности, погружаясь в свои мысли настолько глубоко, что переставала замечать происходившее вокруг. Могла неподвижно сидеть с открытыми глазами, и мама рассказывала всем, как она боится меня в такие моменты, все чаще называя их припадками.

Сначала я честно отвечала на её расспросы о том, что же я вижу и чувствую, когда так надолго замираю. Я словно смотрела удивительное кино, незримое для окружающих, видела яркие образы, слушала звучание мира, недоступное для других. Это был мир моих фантазий, в котором безобидные плюшевые драконы летали над старинными замками, полуразрушенными и увитыми плющом, а белоснежные единороги паслись на лугах с изумрудной травой... Но эта невероятная сила воображения радовала только меня. Когда я начинала рассказывать об этих снах наяву, мама заметно раздражалась, и постепенно обсуждение свернулось к пустым фразам вроде «Ты опять так делаешь!», «Ну почему ты у меня такая странная? У всех нормальные дети, не то, что ты» или «Прекращай эти глупости, или попадешь в психушку!»

Раньше я об этом не задумывалась, но вполне возможно, что эти «припадки» окончательно вывели её из себя, раз уж она решила пристроить меня в специализированную школу для таких, как я, детей...

Нарисовать розы по памяти у меня не получалось. Я буквально видела их перед собой, старательно повторяя на бумаге все изгибы лепестков, их волнистые края и острые зазубрины листьев. Изображение, во всей красе доступное внутреннему зору, ускользало и не поддавалось моим попыткам перенести его на бумагу.

Сосредоточенно сопя, я настойчиво продолжала выводить непослушные загогулины, чтобы получить удовлетворяющий меня результат. С тихим шуршанием, похожим на горестный вздох, испорченные листы бумаги один за другим слетали с моих колен на пол. Когда они закончились, я подняла голову, вернувшись в реальный мир, и увидела маму, застывшую от ужаса, и гневно сжимающую губы так, что они побелели.

– Из меня не выйдет настоящий художник, – прошептала я, обращаясь к мистеру Кроуфорду, который все также спокойно сидел за столом, внимательно глядя на меня.

Помню, как я была расстроена своим художественным провалом. Тем не менее я подобрала с пола все листы, сложила в аккуратную стопку и осторожно вернула их директору, вместе с карандашами.

Возможно, цепкий взгляд мистера Кроуфорда смог что-то выхватить из моих каракулей, так как он решил меня подбодрить:

– У тебя все получится, Николь. Я вижу, что ты умная и способная, нужно добавить немного знаний и навыков. Думаю, в нашей школе ты сможешь многому научиться. У нас все детки особенные и талантливые.

Он еще раз изучил мои рисунки. Остановившись на одном, мягко поинтересовался:

– А ты знаешь, зачем розе нужны эти колючки?

Немного помедлив с ответом, я все-таки кивнула, продолжая смотреть в другую сторону.

– Они еще называются шипами и служат розе для защиты от... – он сделал паузу и явно хотел, чтобы я закончила предложение.

Молчать я могла очень долго. Даже зная правильный ответ на вопрос, который мне задают, я не произносила ни слова и этим часто выводила из себя родственников и учителей. Вела себя так не потому, что хотела всех позлить. Я была уверена: что бы я ни сказала, надо мной обязательно будут смеяться. Поэтому лучше молчать, стиснув зубы, и не обращать внимания на любые попытки чего-то от меня добиться.

И всё же, чувствуя, как сводит скулы от напряжения и по шее к ушам поднимается пульсирующая волна удушающего жара, я постаралась взять себя в руки и еле слышно прошептала:

– ...от врагов.

– Конечно, – согласился мистер Кроуфорд. – У розы хватает врагов, поэтому она вынуждена отращать шипы. Без них она беззащитна и беспомощна. Это уникальный цветок, красивый и загадочный. С ним связано много легенд. В нашей библиотеке можно их найти и почитать. Я уверен, в свое время ты до них доберешься. Ну, а теперь ты можешь идти в

свою комнату. Устраивайся, знакомься, привыкай. Здесь тебе не понадобятся шипы, как розе, потому что у тебя здесь не будет врагов. Никто и ничто не будет тебе угрожать – это я обещаю.

Мама было привстала, чтобы проводить меня, но директор коротким движением руки её остановил:

– Не беспокойтесь, ваша дочь вполне может справиться сама. Задержитесь немного, мы с вами займемся документами. Иди, Николь, не волнуйся. Мама к тебе зайдет попрощаться.

Какое-то мгновение я колебалась, не зная, что делать: мне очень хотелось броситься к маме, крепко к ней прижаться и никуда не уходить. Но я встретила её недовольный взгляд, и меня точно окатили ледяной водой. Показалось, что она хотела быстрее закончить со всеми делами и уехать. По-видимому, она стеснялась меня, возможно, ей было стыдно, что у неё какой-то неправильный ребенок.

Опустив глаза, я вышла из кабинета в огромный светлый коридор, как будто шагнула совсем в другой мир, бескрайний и совершенно пустой. Стены раздвинулись, потолок уехал высоко вверх, пропали все звуки, словно в доме не было ни единой живой души, и я осталась совсем одна. Потом где-то рядом, почти в ушах, застучал гулкий ритм, быстрый и немного пугающий. Прислушиваясь к нему, я начала озираться по сторонам и постепенно продвигаться по коридору в неизвестном мне направлении.

В какой-то момент я решила, что заблудилась, и тут на меня налетела Линдси – растрепанное рыжее чудо с огромными глазами. Она схватила меня за руку и потащила за собой, без умолку тараторя на ходу.

– Я приехала сюда раньше тебя, так что я здесь дольше, чем ты, поэтому я тут уже все-все знаю! – восторженной скороговоркой говорила Линдси. – Я тут все-все тебе покажу и расскажу. И все комнаты, и классы для занятий, и биббли... пибли... библитеку! Она такая огромная, там столько книг!!! И лестницы, там даже есть лестницы! По ним можно лазить, чтобы книги достать, они так закручены смешно! Не книги, лестницы закручены! Здесь вообще все такое красивое, как в сказке! А еда какая вкусная! М-м-м! Ты любишь липкие плюшки с мокрицей? Ой, я их просто обожаю, они такие сладкие и так пахнут!.. Самые вкусные на свете!

От её болтовни почти на бегу и от мельтешения стен, дверей и окон у меня закружилась голова. Это уже позже я узнала, что озадачившие меня тогда не на шутку «липкие плюшки с мокрицей» – ужас! здесь кормят жуками! – не что иное, как булочки с корицей, похожие на те, которые пекли в нашей пекарне.

Прорваться через этот словесный поток, чтобы что-то сказать самой, было невероятно сложно, но мне не хотелось вот так сразу, сломя голову, бежать исследовать дом. Так что я просто резко остановилась и, вырвав руку, в которую вцепилась Линдси, попросила проводить меня в нашу комнату.

Порой несколько слов, сказанные молчаливым человеком, оказываются намного весомее, чем целая тысяча, произнесенная болтливым. Неожиданно рыжее чудо послушалось, и уже через несколько минут я сидела на своей кровати и рассматривала вид из окна.

На следующий день мама уехала, пообещав навещать меня каждую субботу.

Глава 2. Смерть как оправдание

«Я обязательно приеду!»

Я сошла с поезда на небольшой незнакомой станции, совершенно не понимая, зачем это делаю. Вроде бы просто сидела, наблюдала через окно, как приближается здание вокзала и поезд замедляет ход, как вдруг почувствовала, что мне обязательно нужно выйти именно здесь. Подхватила сумку и ринулась к выходу, неловко протискиваясь сквозь группу пассажиров, так некстати заполнивших коридор, и не обращая внимания на их недовольные реплики в мой адрес.

Уже оказавшись на перроне и вдыхая запахи чужой местности, я осознала, что вырвалась на свободу. Здание вокзала сверкало ярко-желтой краской и выглядело ослепительно новым и чистым. Именно такой должна быть и моя новая жизнь – чистая, яркая и ослепительная! По-видимому, заметив это жёлтое великолепие, я расценила его как хороший знак, как некий сигнальный флажок, давший команду «на старт».

Удивительно, но именно в такие моменты, когда я действовала импульсивно, я чувствовала себя живой и настоящей. Всё остальное время мне казалось, будто я нахожусь в голове у робота, смотрю на мир через его глазницы, управляю его конечностями и голосом. Словно я никогда не жила осознанно, и всё вокруг происходило не со мной, и уж точно не по моей воле.

В этот раз, когда за моей спиной закрылась дверь вагона, я испытала знакомое ощущение, что пространство вокруг меня увеличивается, становится шире, просторнее и светлее. И это мой осознанный выбор, моя свобода решать и поступать так, как я считаю нужным. От этого словно крылья за спиной вырастают!

Правда, ненадолго. Вернулась неуверенность и абсолютное непонимание – а что же делать дальше? Куда идти? Определенно, я не готова сама отвечать за свою жизнь. Я просто этому не научилась. Как моллюск, я ненадолго выглянула наружу, ощупала почву и снова спряталась в свою раковину.

Ну что же, полюбуюсь немного на жёлтый вокзал, хоть он уже и не кажется таким ярким: цвет потускнел, как будто на здание набежала тень от облака, за которым спряталось солнце.

Я нашла лавочку, опустила на неё сумку и устроилась рядом, откинувшись на спинку. Посижу немного и, может быть, приведу в порядок свои разбежавшиеся в разные стороны мысли...

Первый восторг прошел, но, оглядываясь по сторонам, я поймала себя на мысли, что мне нравится всё попавшее в поле зрения. Маленькие аккуратные домишки, зелень деревьев, птицы в небе, по которому легкой дымкой плывут облака, люди с добрыми и приветливыми лицами. Не такие, как Джарет. У него лицо словно высечено из камня. Красивое, с тонкими чертами, но жестокое. На своего отца – директора нашей школы – он был похож только угольно-черными глазами и такой же иссиня-черной шевелюрой.

* * *

Казалось бы, когда восемь лет назад я осталась одна в чужом для меня месте и среди совершенно незнакомых людей, я должна была испугаться. Но я с пятилетнего возраста подолгу не видела своих родителей, которые оставляли меня то у одних родственников, то у других, и привыкла к постоянным переменам. Правда, лет до шести я была общительным ребенком, потом уже закрылась от всех, хоть это и не мешало мне молча знакомиться с новой обстановкой.

Меня смущало и не давало покоя одно обстоятельство, которое я очень долго не могла понять: что же это за странная школа такая, которая находится так далеко от дома, и в которой мне надо жить? Может быть, это и есть та самая «психушка», куда мама так часто грозила меня отдать? Непонимание и неведение только укрепляло меня в мысли, что я – плохой, неправильный ребенок, раз от меня решили избавиться. И это несмотря на то, что директор школы, мистер Кроуфорд, показался мне добрым и внимательным. Он вроде бы даже сумел расположить к себе остальных детей и их родителей. Наверное, он всё же хороший человек, и ничего страшного и зловещего здесь не происходит – успокаивала я себя. Намного позже, когда я повзрослела, у меня стали появляться и другие вопросы, как например, кто оплачивает моё длительное пребывание в этом заведении, или до каких пор будет продолжаться обучение? Но к этому моменту ответить на них мог только Джарет, которого я ужасно боялась.

После отъезда мамы мистер Кроуфорд заходил к нам с Линдси и спрашивал, как я устроилась и всё ли у меня в порядке. Привычно задавив в себе бурю эмоций, я тогда коротко ответила, что всё хорошо, и он ушел.

Занятия начались не сразу, а только через неделю. За это время детей познакомили друг с другом и с персоналом школы. Не думаю, что кто-то из нас сразу запомнил имена и лица шестерых взрослых, у кого-то на это ушло несколько месяцев. Сам директор со своей пожилой помощницей, миссис Андерс, провел для нас настоящую экскурсию по дому и его окрестностям, каждый раз обращая наше внимание на огромные памятки с расписанием всех дней недели, которые появились на стенах коридоров.

Первый же урок оказался абсолютно не таким, как в обычной школе, в которой я всё-таки успела проучиться два года. Учеников собрали в общей классной комнате и по одному рассадил за небольшие столики, на которые Джарет раскладывал кубики, головоломки, альбомы и краски. Всего в классе было десять детей, разного возраста, и каждому из нас давалось свое задание.

Мне все это казалось очень странным и не соответствующим моему возрасту и развитию, ведь к девяти годам я уже бегло читала и знала таблицу умножения, хоть и не стремилась этого демонстрировать. Поэтому поначалу я исподлобья присматривалась к остальным и пыталась понять, почему взрослые считают нас такими глупыми? Через несколько дней моих наблюдений я сделала вывод: все дети здесь настолько разные, что мистер Кроуфорд старается к каждому найти свой подход.

Например, Линдси была торопыгой. Она наспех выполняла свое задание и устремлялась на помощь другим, чья медлительность была для неё непостижима. Больше, чем остальным, от неё доставалось Шону, очень трогательному шуплому белокрысому мальчику, который долго и задумчиво держал в руке каждую фигурку, прежде чем положить её обратно на стол. Он даже не пытался искать какие-то соответствия. Мне казалось, что он на самом деле забывает о задании в процессе столь продолжительного созерцания. Линдси же просто взрывалась от нетерпения: она вскакивала с места и мчалась к Шону, сгребала всё с его стола и подбрасывала вверх. Фигурки разлетались в разные стороны и, падая, задевали кого-нибудь из сидящих рядом. Порой кто-то пугался и начинал плакать, тогда на помощь спешила миссис Андерс, до этого скромно сидящая в уголке с постоянным вязанием в руках. Она успокаивала детей, Джарет в это время молча стоял в стороне, равнодушно отвернувшись к окну, а директору приходилось возвращать Линдси на место и разбирать с ней её ошибки. Но он никогда не повышал на неё голос. Ни на неё, ни на кого бы то ни было ещё. Я вообще ни разу не слышала, чтобы он разговаривал слишком громко.

Подобная история повторилась несколько раз, прежде чем миссис Андерс пересела поближе к Линдси, чтобы успевать реагировать на её порывы и останавливать девочку до её импульсивных подсакиваний с места.

Что же до меня – я никуда не спешила. Не испытывая затруднений в том, как правильно сложить пирамидку или подобрать нужную фигурку к отверстию в горшочке с улыбающейся рожицей, я специально замедляла процесс, чтобы понаблюдать за тем, что происходит вокруг.

Мистер Кроуфорд очень быстро это понял. Когда он подходил ко мне, чтобы проверить, как я справляюсь, на его лице появлялась едва заметная улыбка, в глазах загорались весёлые искорки, и он заговорщицки мне подмигивал.

Глупую на мой взгляд стадию несуразных и бесполезных кубиков я прошла достаточно быстро. Начали появляться сложные и интересные задания, и я перестала обращать внимание на других детей, сосредоточившись только на себе.

Джарет всегда присутствовал на этих занятиях и помогал отцу. Мне тогда казалось, что он тоже учится, так внимательно он слушал мистера Кроуфорда и так пристально следил за всеми его действиями. И каждый вечер он обязательно приходил и проверял, как мы выполнили внеклассные задания. Немногословный и очень сдержанный, Джарет никогда не проявлял в отношении нас никаких эмоций. Он никого не хвалил за успехи и не ругал за провалы, отмечал что-то в своем журнале и молча уходил. Высокий, худощавый, черноволосый молодой человек. Слишком серьёзный, даже мрачный, его вид постоянно вызывал во мне одно воспоминание: огромный чёрный ворон, деловито расхаживающий по веранде нашего дома незадолго до того, как взорвался мотоцикл отца.

– Как доктор в больнице, ага, – быстро кивая, важно говорила Линдси, кусая при этом карандаш и провожая взглядом выходящего из комнаты Джарета. – Он делает вечерний заход. Я знаю, я лежала в больнице, мне что-то вырезали из живота. Доктор меня проверял, утром и вечером. Он заходил во все палаты, ко всем больным. Это так и называлось: утренний и вечерний заход. Я знаю!

Итак, мы постепенно привыкали. К новой обстановке, друг к другу, к чужим людям, которые заботились о нас, к режиму и процессу обучения. Жизнь становилась обычной и размеренной. Вот только мама приезжала гораздо реже, чем обещала.

Возможно, поначалу она всё-таки волновалась за меня, даже скучала. Потом убедилась, что со мной всё в порядке: здесь меня никто не морит голодом, не наказывает за промахи, а наоборот, хвалят. Наверное, спустя пару недель она успокоилась, или же устала от регулярных поездок ко мне. Думаю, скорее всего, она просто осознала, насколько свободнее стала после того, как избавилась от своего странного ребенка. Конечно, теперь она могла посвятить гораздо больше времени общению с подругами, походам по магазинам с ними же, и другим развлечениям, которым я только мешала, находясь с ней в одном доме. Следить же за моим развитием и слишком мелкими шажками к успеху оказалось довольно скучным занятием, да и мотаться каждые выходные туда-сюда, конечно же, становилось утомительно и накладно. Вполне вероятно, она не раз пожалела о своем опрометчивом обещании навещать меня *каждую* субботу. В любом случае, промежуток времени между её визитами в школу вырос сначала до трёх недель, а потом и до месяца.

Но однажды она не приехала.

Я жила в школе почти год. Приближался мой день рождения, и я надеялась, что она вспомнит обо мне и у нее появится желание меня увидеть. И может быть, она всё-таки найдёт возможность отложить другие дела, сможет примчаться и остаться со мной чуть подольше, хотя бы на пару дней. Помню переполнявшее меня волнение и трепетную надежду, когда я часами торчала в холле, глядя в окно, из которого видны были ворота. Я ждала, когда они распахнутся, и я увижу мамин старенький автомобиль, въезжающий во двор...

В один из таких дней Джарет, как обычно проверив вечером нашу с Линдси внеклассную работу и уже собираясь уходить, вдруг повернулся ко мне и непривычно участливо сказал:

– Ники, я заметил, как ты ждёшь свою маму. Поэтому позвонил ей и напомнил о твоём дне рождения. Хочу тебя обрадовать: она обещала, что обязательно приедет.

Мы почти никогда не видели, как он улыбается. А тут на его лице мелькнуло что-то похожее на улыбку, словно он меня подбадривал.

Конечно, от радости я запрыгала по комнате, потом ко мне подскочила Линдси, и мы закружились, взявшись за руки. Как закрылась дверь за Джаретом никто из нас и не заметил.

Накануне моего праздника разразилась страшная гроза. Тучи, закрывавшие небо и уже пролившиеся дождём, не расходились и на следующий день. Они окрасили всё вокруг в мрачные призрачные цвета, поблекли даже зелень деревьев и мои любимые розы.

По субботам у каждого из воспитанников были свои внеклассные занятия. На этот раз меня от них освободили, и в честь моего дня рождения во время обеда всех угощали тортом и разными вкусностями, которые специально для таких случаев готовила школьная повариха. Мне совсем не хотелось есть, но пришлось заставить себя и попробовать хотя бы торт. Иначе, я бы обидела довольную своими кулинарными изысками добрую толстуху, которую неизменно радовал вид детей, поглощавших любую её стряпню. Этому меня всегда учила мама: ни в коем случае нельзя обижать людей, которые старались и что-то для тебя делали.

Потом я сидела у окна в холле до глубокого вечера, до тех пор, пока за стеклом не начала сгущаться темнота, мягко и неумолимо обволакивающая окрестности. Зажглись фонари в саду, но их свет как будто тонул в подступавшей мгле. Ещё немного – и сад почти исчез, а оконное стекло превратилось в зеркало, в котором отражалась только бледная девочка с тоскливым взглядом, одиноко сидевшая в огромном холле. Тогда я прижалась лбом и носом к холодному окну и загородила глаза ладонями, чтобы лампы позади меня не мешали мне всматриваться в ночной пейзаж.

«Мне нужно ещё немного продержаться, – уговаривала я себя, стараясь меньше дышать на стекло, чтобы оно не запотело. – Ещё чуть-чуть, и мама приедет... Джарет ведь сказал, что она обещала, значит, так и будет! Она приедет, приедет, приедет...»

Я слушала только свои мысли, повторяя их в снова и снова, видела только размытые пятна света от фонарей в ночном саду.

Вдруг на моё плечо легла чья-то рука. Она была даже холоднее, чем оконное стекло, остужавшее мой пылающий лоб. От неожиданности я подпрыгнула, задохнувшись криком.

– Это я, Ники, – тихо и далеко, как из-под одеяла, прозвучал голос Джарета. – Хватит тут сидеть, не изводи себя напрасным ожиданием. Это бесполезно. Твоя мама не приедет.

Застыв на месте, я разглядывала отражение Джарета, стараясь догадаться по выражению его лица о том, что же он ещё скажет. Он, в свою очередь, какое-то время наблюдал за мной. Молчание слишком затянулось, и я с волнением и обидой спросила:

– Почему? Она ведь обещала!

Лицо Джарета дернулось, но он ответил мне совершенно без эмоций:

– Иногда люди обманывают, обещая невыполнимое, хотя заранее знают, что не смогут сделать то, о чем говорят. А иногда обстоятельства складываются против них.

– Мама меня обманула? – не поверила я.

– Скорее второе. Обстоятельства. Единственное оправдание, которое заслуживает прощения.

– Какое же?

– Смерть... Ливень размыл дорогу, и машина твоей мамы сорвалась в ущелье. По-видимому, она не справилась с управлением.

Как смерть? Что значит «не справилась»? Мне казалось, что Джарет говорит на каком-то неизвестном мне языке, настолько странно звучали его слова. Разум отказывался понимать их смысл и, тем более, в него верить. Я больше ничего не видела вокруг себя. Внутри меня словно что-то заледенело и с треском раскололось. Руки задрожали, а ноги стали какими-то ватными и совсем чужими. Странно, но тогда я не проронила ни одной слезинки. Просто окаменела и перестала что-либо воспринимать.

Так я узнала, что мамы больше нет. Линдси мне потом рассказала, что Джарет сам принес меня в комнату на руках, положил на кровать и ушел. Вскоре прибежала наша добрая миссис Андерс и развела какую-то деятельность вокруг меня. А я просто лежала в постели и молча смотрела в потолок.

Не помню, что происходило вокруг меня, тогда мне до этого не было никакого дела. В голове звучали слова Джарета: «Твоя мама не придет» и «Единственное оправдание, которое заслуживает прощения, – это смерть».

...Когда-то давно я уже слышала что-то в этом роде. Мама кричала на отца во время их очередной ссоры. Тогда и прозвучала очень похожая по смыслу фраза: «Если ты не сделаешь того, что мне пообещал, только смерть будет твоим оправданием!» Не знаю, о каком обещании тогда шла речь, но эти слова врезались в память. Взрослые вообще всегда считают, что дети не понимают и половины из их разговоров. Не понимают и не запоминают. «Ну что ты можешь помнить из того, что мы говорили в твоём присутствии, когда тебе было три года?», например. Или: «Ты же тогда была маленькой, рисовала/играла/читала/лепила и ничего не слышала». Да и вообще, «ты же была совсем ещё безмозглой, что ты могла понимать?!»

Лёжа пластом в постели, я не оплакивала маму, а почему-то вспоминала именно тот давний случай. Так вот, когда я была, по словам моей мамы, совсем ещё безмозглой, я очень хорошо запомнила, как ругались родители. Скандалов было много, но этот оказался последним. Папе в очередной раз досталось из-за его мотоцикла, и друзей, с которыми он гонял на треке. Он был профессиональным гонщиком, настоящим мастером, мог такое вытворять на своём мотоцикле, что все вокруг только удивлялись и восторженно аплодировали. Но довольно часто он уезжал именно по вечерам, а мама вдогонку ругалась на него. Она всегда была чем-нибудь недовольна, но чаще всего её упреки сводились к нехватке денег.

В тот вечер папа вышел из дома, не обращая внимания на звучащие ему вслед проклятия, поцеловал меня в макушку и пошел к мотоциклу. Я села на верхнюю ступеньку веранды, чтобы посмотреть, как он уезжает. Он завел двигатель...

Я помню грохот и вспышку света, которые напугали меня настолько, что я убежала в дом и спряталась в шкафу своей комнаты.

Спустя какое-то время после смерти отца, я увидела маму, сидевшую в кресле на веранде нашего дома с пачкой документов в руках. Она обмахивалась бумагами, как веером, и улыбалась, глядя на небо. Заметив меня, она приподняла одну бровь и сказала, продолжая улыбаться:

– Твой отец оказался не таким уж бесполезным, как я думала. Он застраховал свою ничемную жизнь. Мы получим много денег. Хотя бы после смерти сдержал своё обещание и сделал меня богатой! Надо было ему раньше взорваться на своем паршивом байке! Мерзавец, мне так долго пришлось этого ждать!

И она рассмеялась.

Я стояла перед ней на веранде, крепко обнимая старого потрёпанного оранжевого плюшевого медведя с красным в белую клеточку бантом на шее – игрушку ещё из папиного детства, которую он мне вручил как своё главное сокровище. Смотрела на неё и слушала, как она радостно смеётся, и не понимала, почему она вдруг начинает расплываться, а вокруг неё появляются и сливаются в разноцветный ореол сверкающие солнечные блики. То, что я видела, было потрясающе красиво, и эта красота заставила меня в очередной раз застыть столбом. Я любовалась искрящейся расплывчатой картинкой, одновременно чувствуя тепло и запах папиного мишки. Словно папа опять был рядом и сам обнимал меня в тот момент.

Мама тогда просто взбесилась. Она отбросила бумаги в сторону, подскочила ко мне, вырвала мишку у меня из рук и отлупила меня им, не переставая при этом кричать:

– Не смей при мне реветь из-за него! Вообще! Никогда! Не смей! При мне! Реветь!

Потом выкинула мишку на дорогу под проезжающие машины и зашла в дом, громко хлопнув дверью.

Тогда я впервые узнала, что можно беззвучно кричать. Кричать изо всех сил, просто раскрывая рот, выпуская наружу только воздух из лёгких, а звук направляя внутрь головы. Надо было только сильно зажмуриться и сжать голову руками, чтобы она не взорвалась. После третьего крика мне почему-то стало очень легко, настолько, что я даже осмелилась выскочить на дорогу и забрать свою игрушку.

Об этом я думала тем ужасным вечером, когда Джарет сообщил мне о смерти мамы. Пыталась вспомнить, когда она меня обнимала, хотя бы один раз. Не получилось.

Через несколько дней Кроуфорд-старший отвёз меня на похороны.

Дом, в котором я когда-то жила с родителями, показался мне вдруг чужим и погасшим, словно у него перестало биться сердце. Он отталкивал пустотой и враждебностью и как будто не хотел, чтобы я заходила внутрь.

Первым на меня набросился приятель мамы, с которым она жила после папиной смерти. Столкнувшись с нами в длинном коридоре, он даже позеленел от злости. Нависая надо мной со стаканом в руке, он злобно шипел, брызжа слюной:

– Это из-за тебя она поехала тогда в эту дурацкую погоду. В такую даль, да ещё и в ливень. Говорил я ей, перебьётся эта дура мелкая, так нет же, понесло её... А ещё и тормоза постоянно пропадали, надо было отремонтировать сначала... А она всё равно, говорит, поеду... Это ты виновата!

Гарольд Кроуфорд тогда приблизился к нему и что-то сказал на ухо, после чего тот замолчал, плюнул с презрением и ушел. Директор крепко взял меня за руку и больше не отходил от меня ни на шаг.

В нашем доме было много незнакомых людей, и мне казалось, что все они смотрят на меня не с сочувствием, а с какой-то брезгливостью, словно я была мерзким тараканом, осмелившимся заползти на праздничное блюдо.

Мы прошли через всю толпу. Чужие лица сменяли друг друга, как в калейдоскопе. У меня было такое ощущение, что они все готовы наброситься на меня с упреками, и сдерживает их лишь присутствие Гарольда Кроуфорда и его поведение. В нём не было высокомерия по отношению к людям, но было столько достоинства и благородства, что даже самые озверевшие скандалисты перед ним съёживались и теряли всю свою наглость. Я тоже чувствовала исходящую от него абсолютную уверенность, спокойствие и неподдельную скорбь.

– Ты можешь больше сюда не возвращаться, – сказал он мне, когда мы подошли к дверям моей бывшей комнаты. – Возьми всё, что считаешь важным, и мы вернемся в школу. Теперь твой дом рядом с нами, а мы – твоя семья. Мы будем заботиться о тебе, и всегда будем рядом.

Я взяла только своего старого, потрёпанного колесами машин мишку с бантом на шее. Выцветшего, запылившегося, но всё ещё уютно пахнувшего папой...

Глава 3. Страх выходит на охоту

«Я всегда поддержу тебя в трудную минуту!»

Иногда время останавливается.

Ты вроде глубоко погружаешься в собственные размышления, можешь даже мысленно перенестись на пару лет назад, пережить несколько событий из разных лет, а потом вернуться из этого путешествия и с удивлением заметить, что прошло всего двадцать минут. Но ты за эти двадцать минут умудрился побывать в разных местах, встретить столько разных людей и успел прочувствовать столько разных эмоций, что хватило бы на несколько лет жизни.

А мир за это время нисколько не изменился. Листья на деревьях не пожелтели и не осыпались, ногти не отросли ни на миллиметр, даже солнце не сдвинулось к горизонту ни на один градус. Всё по-прежнему. Только ты сам меняешься за эти двадцать минут и смотришь на вещи немного иначе.

Очнувшись от своих мыслей, я снова взглянула на здание вокзала. Оно опять показалось мне радостным желтым маяком. Словно до этого безвылазно просидела в мрачном черном подвале, а сейчас впервые выбралась из него наружу.

Итак, новая жизнь. Новое имя. Кстати, надо бы выяснить, как меня теперь зовут. Покопавшись в сумке, я нашла свои новые документы. О, Боже! Илана Кассандра Уотерс... У меня теперь двойное имя, вечность уйдет, чтобы такое запомнить! Как с этим жить?

Я даже не стала сдерживать рвавшийся наружу смех. Прикрыв лицо ладонями, от души расхохоталась над собой, своим глупым именем и своей глупой жизнью, не обращая внимания на брызнувшие из глаз слезы.

Хорошее начало: заявиться в незнакомый город, став при этом Кассандрой, и зайти в истерику прямо на перроне. Прекрасное впечатление произведу на местных жителей, ничего не скажешь! Надо бы как-то взять себя в руки, успокоиться и решить, наконец, что делать дальше. Для начала перестать смеяться и встать с этой глупой скамейки. Найти какое-нибудь жилье, устроиться на работу... Хотя, с таким именем можно сразу же открывать салон «Оракул» и пытаться зарабатывать на жизнь предсказаниями, которым никто не будет верить.

Эта мысль вызвала новый приступ хохота. Похоже, так и останусь ночевать прямо здесь, вот только сумку под голову положу.

– Эй, с тобой все в порядке? – прозвучал надо мной чей-то голос, заставив вздрогнуть от неожиданности.

Несколько раз глубоко вздохнув, я убрала от лица руки и повернулась, вытирая слезы. Передо мной стояла девушка. Невысокая, стройная, с точеным кукольным личиком и нарочито небрежной прической с торчавшими в разные стороны пепельными волосами.

– Тебе помочь? – участливо спросила она, слегка склонив голову и озадаченно сдвинув брови.

Улыбаясь, я покачала головой, сразу же решив для себя, что мне не нужна никакая помощь от незнакомых людей.

– Уверена? По-моему, у тебя что-то случилось.

– Уверена. Я смеялась, это слезы от смеха, так что все нормально.

Она тоже заулыбалась:

– Расскажешь, что тебя так развеселило? Я давно не смеялась вот так, чтобы до слез. Я присяду, можно?

Я пожала плечами. Мне было все равно.

– Уже успокоилась? Может, воды? – она достала из сумочки маленькую бутылочку с водой и протянула её мне. – Новая, только что купила, еще не успела отпить. Бери!

– Спасибо, – я кивнула, взяла бутылку и озадаченно стала вертеть её в руках.

– О, это спортивная, извини. Ты не знаешь? Ладно.

Она открыла крышку и вернула воду, разглядывая меня с нескрываемым любопытством. Теперь, когда она оказалась ближе, я смогла рассмотреть её глаза – удивительно прозрачные, серые, с темной каймой по краю зрачка. «Наблюдательность и внимание к деталям очень важны для настоящего художника», – говорил мне Гарольд Кроуфорд когда-то давно, в другой жизни.

Я отпила несколько маленьких глотков, потом глубоко подышала и снова протянула бутылку ей:

– Теперь успокоилась.

– Оставь себе, у меня еще есть. Закрывается вот так, а так открывается. Все просто.

Девушка улыбалась и казалась дружелюбной. Я полезла в сумку за деньгами.

– Ты не местная, так ведь? Приехала к кому-то из родственников?

Хорошая идея!

– Д-да, – неуверенно согласилась я. – Здесь должна жить моя подруга, Линдси Гринвуд. Мы договорились, что она меня встретит, но её нет.

– Линдси Гринвуд? – переспросила девушка. – Я такую не знаю, но можно выяснить... Убери деньги, я их не возьму! Даже и не думай. Ты пробовала ей звонить?

– Пробовала. «Абонент не отвечает или временно недоступен, попробуйте позвонить позднее».

Девушка какое-то время раздумывала, потом встала, поправила джинсы и короткую куртку, и протянула мне руку:

– Ну что ж, давай искать твою подругу. Я – Холли.

Секунду посомневавшись, я выдавила из себя имя:

– Илана.

– Красивое имя, не то, что мое, – фыркнула Холли. – Спасибо предкам. Но я привыкла, как-то с ним уживаюсь. Идем.

– Куда?

– О! Для начала вот туда. Видишь там машину? В ней сидит мой брат. Спросим у него, если он не знает, тогда отправимся в отделение полиции, которое занимается розыском пропавших людей.

Внутри все сжалось:

– Почему это пропавших?

– Ты же сказала, что вы договорились, а она не пришла. Значит – пропала. Я это так понимаю.

– А если просто по телефонному справочнику посмотреть. Найти домашний телефон, попробовать позвонить, а если не получится – тогда уже в полицию.

– Молодец, поймала картинку.

Заметив мое недоумение, она пояснила:

– В смысле, понимаешь, что к чему. Так и сделаем. Но сначала к Юджину. С ним будет быстрее. Это все твои вещи?

Она махнула рукой в сторону сумки, стоявшей на лавке.

– Да, это все.

– Тогда идем?

Чем дольше я на нее смотрела и чем дольше мы разговаривали, тем больше я ей доверяла. Она казалась мне доброй и открытой, и при этом еще и какой-то неуловимо своей, чуть ли не родной. Нет, она не была похожа на Линдси, но в этом чужом, незнакомом городе я как будто встретила друга детства.

– Конечно, идем!

Она решительно взяла меня за руку и повела за собой. «Интересно, – мелькнула в голове мысль. – Меня всегда кто-нибудь тянет за руку, с самого детства. Я произвожу впечатление человека, неспособного на самостоятельные действия? Линдси вот тоже всегда хватала меня за руку и куда-то тащила. И старший Кроуфорд. И, с некоторых пор, даже Джарет».

* * *

После смерти мамы я опять надолго замолчала. Линдси постоянно меня тормошила, не давая замыкаться в себе. Благодаря ей и заботе директора я постепенно возвращалась к занятиям. Джарет все так же оставался молчаливой тенью своего отца и не разговаривал с нами без особой необходимости.

Не могу сказать, что Гарольд Кроуфорд стал себя вести со мной как-то иначе. Он не изображал для меня заботливого отца. Не замечала я и какого-либо пристального внимания к себе или чрезмерной опеки на каждом шагу. Иногда мы с ним пересекались в библиотеке, и тогда он ненавязчиво советовал, что почитать, или какую музыку послушать. Все воспитанники школы росли практически под его постоянным присмотром, поэтому и относился он ко всем одинаково, с теплом и пониманием. Ко всем, кроме Джарета... В чём я сама скоро убедилась, и не раз.

В саду, окружавшем особняк, росло много всяких деревьев. На одно из них было очень удобно взбираться: могучий ствол с крепкими ветвями, расположенными почти одна над другой, как ступени винтовой лестницы. Мы с Линдси не забредали слишком далеко, но это дерево возвышалось около дома, слева от центрального входа. Во время прогулок мы с подругой часто на него залезали и сидели, мотая ногами и болтая о том, о сем. Вернее, болтала, как обычно, одна Линдси, а я кивала или просто поддакивала, оглядывая сад с высоты.

– Мы с тобой как две большие птицы, ага, – смеялась моя подруга. – Давай устроим здесь гнездо, только надо с крышей, чтобы не мокнуть под дождем!

Иногда она приносила с собой в кармане любимые плюшки «с мокрицей», завернутые в салфетки. Бумага прилипала к облитой сиропом поверхности выпечки, Линдси ругала себя, но потом забывала, и в следующий раз все повторялось заново.

Во время очередной прогулки мы опять забрались на «наше» дерево и устроились поудобнее. Линдси достала из кармана плюшки с налипшими на них салфетками и начала молча их ковырять, один за другим отправляя в рот каждый кусочек оторванной бумаги и старательно его разжевывая, чтобы не пропала ни одна капля сладкой коричной пропитки.

– Ты же птичка, которая все время щебечет, – удивилась я. – Когда молчишь, кажешься кем-то другим.

Она оглянулась по сторонам и громко зашептала:

– Мы ведь с тобой подруги, так? Давай пообещаем, что никогда друг друга не предадим и не бросим, как бы страшно и ужасно не было! Тогда расскажу ужасную тайну...

Я молча кивнула. Линдси немного подалась вперед, глубоко вдохнула и выпалила:

– Мне кажется, что в этом доме есть привидения! Вот!

От её неожиданного заявления я даже не нашла, что ответить. Довольная произведенным впечатлением, подруга таким же громким шепотом продолжила:

– Ты вот по ночам или спишь, или залипаешь в своих фантазиях, а я нет! Я иногда не сплю, и знаешь, как бывает страшно. Как будто в коридоре за нашей дверью стоит что-то жуткое, отчего такие букашки по коже бегают...

– Мурашки? – уточнила я.

– Они, – согласилась Линдси. – Они бегают, а оно там за дверью стоит.

– Откуда ты знаешь? Оно... что-то делает? Связкой ключей гремит?

– Да брось, это только в сказке маленькое доброе привидение гремит ключами. Нет! Оно молча стоит, но с него самый настоящий ужас стекает и под нашу дверь заползает.

– И ты это видишь?

– Да нет же, оно невидимое... Но страшное, жуть просто!

Она подняла на меня глаза, и я поняла, что подруга меня не разыгрывает. Ей действительно было страшно.

Линдси смотрела на меня и вдруг заметила что-то за моей спиной.

– А, вот оно, я же говорила! – от испуга она выронила плюшку и даже подпрыгнула на ветке, чуть не свалившись с дерева. – Там, в окне!

На меня её вопль подействовал, как заклинание окаменения. Я застыла на месте, сжавшись в комочек, и никак не могла себя заставить обернуться и посмотреть на то, что её так испугало.

– Да быстрее же, вдруг исчезнет!

Я медленно повернулась к дому и увидела в окне второго этажа какое-то бледное пятно.

– Фу, – выдохнув с облегчением, я забралась на ветку повыше, чтобы заглянуть в окно.

– Ой, да ну тебя, это кто-то из учителей. Трусиха!

Линдси осталась сидеть на своей ветке, а я пыталась разглядеть, что же это за пятно.

Конечно, это было не привидение. По расположению окна я прикинула, что там находится кабинет Джарета. И вот тут-то я в первый раз и увидела, как он ругается с отцом. Гарольд Кроуфорд стоял немного дальше, около стола, по которому стучал указательным пальцем, и что-то говорил, покачивая головой. Окно было закрыто, поэтому голоса до нас не доносились. Но по выражению их лиц и периодическим резким взмахам рук было и так понятно, что они скандалят.

Джарет ушел вглубь комнаты, потом опять вернулся к окну и вдруг посмотрел прямо на меня. Пристально, словно видел насквозь своими угольно-черными глазами и умел читать мысли. Потом резко задернул шторы.

– Он меня заметил, – доложила я Линдси, вернувшись к ней. – Теперь решит, что я подглядывала.

– Я из-за него плюшку уронила, – расстроилась подруга. – Ничего он не решит, это просто случайность. Незачем было прикидываться привидением и нас пугать. Так и скажу ему, если что... А если ты мне не веришь, давай не будем спать сегодня ночью. Сама убедишься, что все это правда, про жуткую жуть под дверью.

– Хорошо, давай посмотрим вместе.

– Тогда нам надо подготовиться, – торжественно заявила Линдси. – Устроим под столом тайное убежище!

Вечером, когда Джарет явился проверять нашу внеклассную работу, я старалась на него не смотреть. Сидела молча, низко опустив голову, и разглядывала его обувь. Она как будто была покрыта чешуйками, как у змеи, темно-серого цвета. Я так увлеклась этим интересным занятием, что даже вздрогнула, когда Джарет сделал шаг в сторону. Мне показалось, что змеи ожили и шевельнулись.

Кроуфорд-младший ушел, как обычно, не сказав ни слова.

После его ухода мы развили бурную деятельность. Пододвинули стулья вплотную к столу, развернув их сиденьями наружу. Матрасы с кроватей с трудом перетащили под стол – там теперь стало мягче и намного уютнее. Туда же отправились оба одеяла и подушки. А простыни и покрывала мы повесили на спинки стульев и превратили наше убежище в шатер.

Внутри было немного тесновато, к тому же выяснилось, что вход под стол остается открытым, из него слишком хорошо видно дверь и – что самое важное и страшное – узкую щель под ней.

– Это плохо, очень плохо, – бормотала Линдси. – Мы же теперь на полу, намного ближе к жути, чем на кровати. Оно оттуда поползет, и прямо на нас!

Я всё ещё ей не верила, но на всякий случай предложила:

– Можно забить под дверь какие-нибудь вещи, чтобы эта твоя жуть не пробралась.

Подруга посмотрела на меня с нескрываемым изумлением:

– Да! Точно! Какая же ты молодец, что до этого додумалась! Надо взять большие полотенца, твоё и моё.

– Полотенца нехорошо на пол класть, – осторожно возразила я. – Мы же ими потом будем лицо вытирать. Лучше что-то из одежды. Кофты можно, в которых мы на улицу выходим.

Подоткнув под дверь плотные теплые вещи, Линдси почувствовала себя немного увереннее. Она деловито все осмотрела, одобрительно кивнула, и мы вернулись в убежище.

– Нам нужен фонарь и много еды, – радостно шептала Линдси, сверкая в полумраке огромными глазами. Ей всё ещё было страшно, но бояться вместе получалось намного интереснее.

– Так за едой надо идти в столовую, – неуверенно сказала я. – Сейчас ведь уже поздно, там никого нет. Нам никто ничего не даст. А фонарь я вообще не представляю, где взять...

Линдси вдруг замерла, загадочно-торжественно подняв голову, подчеркивая таким образом важность момента. По-моему, она даже задержала дыхание.

Хватило её только на полминуты. Резко выдохнув, она снова замахала руками и продолжила громко шептать:

– Как ты думаешь, куда деваются все вкусняшки, которые мне привозят родители? Думаешь, я их одна ем по ночам, прячась под кроватью? Никого не угощаю, даже тебя, потому что я жадная? А вот и нетушки! Я просто очень запасливая. А что, это и не запрещается, я ведь не храню в нашей комнате то, что может быстро испортиться...

– Ладно, а фонарь тебе тоже родители привезли?

– Ха! А фонарь я взяла у садовника, в его сарае с инструментами. Я же говорю: я запасливая.

Она опять замолчала, теперь уже насторожившись.

– Тихо! Чувствуешь? Оно рядом...

Я на всякий случай прислушалась.

– Нет ничего, это ветер на улице. Выгляни в окно.

– Ну, нет, я теперь из нашего домика до утра не выйду. А ты выглядывай, если хочешь.

Я не чувствовала приближение «жуткой жути», как её назвала Линдси, поэтому выбралась из-под стола и посмотрела в окно.

На улице бушевал настоящий ураган, с невероятной силой раскачивая деревья, срывая с них листву, обламывая засохшие ветки и сбрасывая их в ущелье.

Ветер несколько раз чем-то гроыхнул на крыше, потом громко завыл в самой большой каминной трубе, отчего загудели стены и завибрировал пол в нашей комнате. Линдси под столом охнула.

Тут уже и мне стало не по себе. Гудение стен плавно переместилось в мою голову. Потом добавились гулкие удары изнутри то по одному виску, то по другому, то по затылку. Фантазия очень живо нарисовала мне здорового боксера, прыгающего на ринге в самом центре моей головы и молотящего огромными кулачищами по стенкам черепа. Ещё немного – и кости треснут под таким напором, и моя голова разлетится на мелкие кусочки.

Слегка пошатнувшись, я забралась в шатер к Линдси. Она вцепилась руками себе в волосы и раскачивалась из стороны в сторону.

– Мне страшно, – пожаловалась она. – Так страшно, что даже тошнит...

– Меня тоже тошнит. Это дом качается от ветра. На качелях так тоже бывает.

– Сама-то в это веришь? – Линдси протянула мне руку. – Посмотри!

Её кожа покрылась мурашками. Спустя мгновение и по моей спине пробежал холодок.
– Это всё оно, – прошептала подруга. – Только сегодня оно ещё и воет.

В этот момент в комнате погас свет. Вскрикнув, Линдси пододвинулась ко мне поближе и схватила за руку:

– Всё! Мы пропали!

– Где твой фонарь?

– В шкафу. Только поздно уже, мы не успеем до него добраться! Ничего не успеем, даже попрощаться.

– С кем?

– Друг с другом. Все произойдет внезапно, вот увидишь.

От её быстрого шепота голова у меня закружилась еще сильнее. Появилось ощущение, что меня затягивает в болото. Я начала сильно тереть руками лицо. В глазах немного прояснилось.

– Хватит нагонять страх! – шикнула я на подругу. – Свет в комнатах здесь всегда выключают на ночь, не хуже меня об этом знаешь. Каждый вечер, все два года. Вспоминай, что нам миссис Андерс рассказывала про их этот... который электричество производит...

– Рубильник!

– Да хоть рубильник, пускай, но привидение тут ни при чем. Взбодрись, нам фонарь нужен.

Но Линдси не собиралась успокаиваться. Ей, похоже, нравилось нагнетать панику.

– Я думаю, что оно откроет дверь, и мы с тобой просто задохнемся от ужаса!

Я невольно перевела взгляд на проем между стульями. Там, на стене комнаты, был виден тусклый квадрат света, падавшего от окна, в который попадала часть двери с ручкой и задвижкой.

– Вон, смотри, дверь закрыта!

– Ты временами бываешь очень глупой, – рассердилась Линдси. – Здесь такие застежки, которые можно открыть из коридора! Тут же кругом дети. Если все закроются в комнатах, как взрослые смогут войти? А вдруг кто-то из нас умрет и не придет на занятия? Как тогда внутрь попасть?

Пришлось согласиться с тем, что я глупая. И не такая любопытная и наблюдательная, как моя подруга.

Какое-то время мы сидели молча, прислушиваясь к завыванию ветра и собственным ощущениям. Тошнота понемногу проходила, головная боль тоже утихла. Остался только страх, но и он проявлял себя только мурашками, изредка пробежавшими по спине и плечам.

– Кажется, твоя жуть уходит, – шепнула я Линдси. – Я устала и хочу спать.

– Это ловушка, ага, – возразила она. – Только ты начинаешь думать, что все хорошо, как оно – бац! – тебя ловит. Я знаю! Держись, не спи... Тихо, слушай!

За дверью в коридоре послышалось тихое шуршание. Мы испуганно переглянулись, прижались друг к другу и, как замороженные, стали следить за задвижкой. Её ручка медленно и бесшумно закрутилась, потом сдвинулась в сторону, увлекая за собой засов... Еще немного, и дверь начала открываться. Мы с Линдси громко завизжали, закрыв глаза.

– Ох, господин директор, у нас еще двое! – послышался женский голос. – Перепугались, бедняжки! Тише, девочки, все в порядке. Никаких кошмаров тут нет. Здесь только я и мистер Кроуфорд.

Ну, конечно, наша добрая миссис Андерс! Я выбралась из-под стола и бросилась к ней. Линдси рухнула на пол, потеряв сознание.

– Ну-ну-ну, ничего страшного не происходит, – ласково закудаhtала старушка. – Сейчас мы пойдем в медицинское крыло, там уже и другие трусишки собрались. Что-то вас всех сегодня погода напугала. Сейчас, мне надо сначала посмотреть, как там Линдси, бедняжка.

Надо бы привести её в себя, или позвать за мистером Джаретом, он сегодня всех на кресле перевозит...

Она подошла к столу и склонилась над Линдси. Я осталась стоять в комнате около двери, прислонившись к стене.

В коридоре раздались голоса. Кто-то спешил к нам по коридору.

– Джарет, остановись, – требовательно, но без крика, прозвучал голос директора.

Шаги смолкли.

– Ответь мне только на один вопрос: это твоих рук дело?

– Я не понимаю, о чем ты.

– Все дети напуганы. У всех одни и те же симптомы. Мне кажется, что это не простое совпадение.

– Это погода, отец. Всё объясняется простой физикой. На улице ураганный ветер, который гудит в трубе и создает акустический резонанс. Появляется природный источник инфразвуковых волн. Не в первый раз. И не в последний, кстати, тоже.

– Да, не в первый... Но не в таких масштабах. Я вынужден поинтересоваться твоими персональными исследованиями. Если они угрожают здоровью этих детей, тебе придется отсюда уехать и подыскать для своей работы подходящую лабораторию.

– Мне не нужна лаборатория, отец, мне нужен дом. И мои исследования не угрожают твоим дорогим подопечным. А теперь извини, мне нужно проверить еще двоих. Кажется, миссис Андерс звала из комнаты Николь и Линдси.

– Николь?

– Ну что ты, не волнуйся так. Я уверен, что моя новообетенная младшая сестра в порядке. Но лучше, конечно, убедиться.

– Вот и убедись, а заодно позаботься о ней. Пора вам начать налаживать отношения. И смиришься с тем, что она стала частью нашей семьи.

– Могу и я задать тебе один вопрос: сколько еще несчастных сирот ты собираешься усыновить?

– Сколько потребуется. У этой девочки никого не осталось. Сходи на досуге в библиотеку и ознакомься со значением слов «сострадание» и «милосердие».

– Как скажешь, – резко бросил Джарет. В коридоре зазвучали чьи-то быстрые шаги, направлявшиеся в нашу сторону.

Я вжалась в стену, втянув голову в плечи. Благодаря стараниям миссис Андерс, Линдси пришла в себя и уже сидела на полу, когда в комнату влетело кресло на колесиках. Вслед за ним вошел Джарет.

– Как тут дела? – отрывисто спросил он, окидывая взглядом наш шатер и сидевшую около него Линдси. На меня не попадал свет, идущий из коридора, поэтому я осталась незамеченной.

– Где вторая? Вы что тут устроили?

Мы с подружкой переглянулись. Она насупилась и быстро заговорила:

– Николь здесь, а устроили мы шатер. Нам было страшно, мы решили спрятаться. А под столом было жестко и неудобно. И...

– Всё, – прервал её Джарет. – Хватит. Можешь идти сама? Если нет, садись, я тебя отвезу в медицинское крыло. Остаток ночи все досыпают там.

Хитрая Линдси повернулась к миссис Андерс и, заглядывая ей прямо в глаза, начала канючить:

– Можно, вы меня повезете, ну, пожалуйста! Я маленькая и очень легкая. А у вас такие добрые руки, мне лучше станет уже пока мы едем!

– Садись, моя хорошая, конечно, отвезу, – расплылась в улыбке довольная старушка. – Мне и не тяжело совсем, тут же колесики есть.

Она помогла Линдси удобно устроиться в кресле и выкатила её в коридор. Мы с Джаретом остались вдвоем.

Он молча смотрел на меня, загородив собой проем двери и не позволяя мне выйти. Смотрел долго, приподняв левую бровь и скривив рот в каком-то подобии ухмылки. Потом покачал головой:

– Что толку? Какие могут быть разговоры? Подрасти сначала, там видно будет. Идем, транквилизаторы заждались.

Джарет взял меня за руку и вывел из комнаты в полумрак длинного пустого коридора, в стенах которого после этих событий притаился страх. Днем он прятал свои черные холодные щупальца за разными картинами и плакатами, а по ночам выходил на охоту. Он сочился из каждой трещины в штукатурке, скапливался во всех темных углах или караулил за поворотом, сливаясь с обоями.

Затаившись и выжидая, страх высматривал свою жертву.

Глава 4. В объятиях темноты

«Никогда не предам и не брошу»

Территория вокзала была огорожена высоким решетчатым забором, вдоль которого тянулись густые заросли цветущего шиповника. Холли вела меня за руку к воротам, но все же не тащила за собой, как когда-то Линдси. Я оглядывалась по сторонам, любуясь уютной и какой-то очень домашней красотой всего, что встречалось на нашем пути. Но распахнутые створы ворот произвели на меня странное впечатление: огромные, ажурно-узорчатые, черные с золотыми завитушками они больше подходили для какого-нибудь дворца, чем для вокзала. «В особняке Кроуфорда были похожие», – почему-то отметила я мысленно. Наверное, долго еще буду все сравнивать со своим последним местом проживания.

Мы с моей новой знакомой вышли за ворота и оказались на большой площади. На мгновение я растерялась: здесь абсолютно все не так, как я привыкла. Много пространства, много машин, много людей. Интересно, Маугли также себя чувствовал, когда впервые вышел к людям? Конечно, я уже была в подобном месте, когда только выбралась из дома Кроуфорда. Но в тот раз я заранее долго изучала карту, прокладывая маршрут чуть ли не с точностью до миллиметра. И очень торопилась, поэтому мне некогда было смотреть по сторонам и раздумывать. А сейчас... Снова захотелось убежать и спрятаться, забиться обратно в свою раковину и не высовываться.

Откуда-то доносилась громкая музыка. Я прислушалась: знакомая песня, она была на диске, который я слушала, рисуя пейзажи в саду. Одна из немногих, способных мелодией пробудить вдохновение и заставить задуматься над смыслом текста. Навстречу каждому сделанному мной шагу нараспев задавался новый вопрос:

– «Что ты видишь? Что ты знаешь? Какие есть знаки? Что делаю я? Просто следуй своим линиям жизни. Что ты ненавидишь? И что потом? Что делаем мы? Что ты говоришь? Не отклоняйся от своих линий жизни».

Уникальный голос Мортена Харкета звучал из машины, к которой подходили мы с Холли. Музыкальный вкус новых знакомых меня порадовал. По моему скромному убеждению, плохие люди не слушают хорошую музыку. «Линии жизни», надо же... Знак?

За рулем сидел парень и, закрыв глаза, самозабвенно подпевал солисту, явно проигрывая последнему вокальными данными. Холли посмотрела на меня и тихо хихикнула. Потом прижала палец к губам и повела бровью, указывая на парня.

– Это Юджин, – прошептала она почти беззвучно, достала из кармана куртки телефон и направила камеру на брата.

«Один шанс вернуться туда, где всё начинается. Один шанс сохранить то, что распадается на части. Однажды я заставлю нас поверить, что это правда», – пропел дуэт Мортена и Юджина.

К этому моменту у меня по всему телу бегали мурашки. Тембр голосов, музыкальные переходы и значение слов как будто проникали под кожу, вызывая стойкое предчувствие, что приближается какое-то очень значимое и решающее событие. «Кассандра?» – ехидно напомнил внутренний голос.

– О, да! – довольно эмоционально согласилась я с ним и по тому, как вытянулось лицо моей новой знакомой, поняла, что произнесла это вслух.

Парень вздрогнул, открыл глаза и резко повернулся к нам.

– Ох, ну зачем? – воскликнула Холли. – Такое выступление сорвала!

– Простите, я не хотела, это случайно!

Опешивший было Юджин вдруг расплылся в добродушной улыбке:

– Что, неужели я так плохо звучал? Полдня репетирую и все никак в ноты не попадаю!

– Сам потом послушаешь, я успела снять немного твоего воя на видео, – подковырнула его Холли. – Кстати, познакомься. Это Илана, ей нужна наша помощь.

– Вот так сразу, да? – парировал парень, выходя из машины. – Очень приятно, Илана. Юджин. А эта добрая самаритянка – моя сестра... Ну что же, у нас осталось еще целых два свободных места в машине. Холли, можешь идти обратно, к поездам, мы тебя здесь подождем.

– Зачем обратно, – не поняла я.

– Сейчас еще двоих подберем, кому помощь нужна, а то некомплект. Потом уже отправимся подвиги совершать. Сегодня, может, даже успеем кого-нибудь осчастливить.

Холли хлопнула его по спине:

– Хватит дурачиться!

И очень вовремя: мне-то показалось, что за иронией Юджина скрывается недовольство. Вполне оправданное, если посмотреть на ситуацию со стороны.

– Только не по голове! – парень шутливо прикрылся руками. – Она иногда бывает мне нужна, чтобы думать!

– Вот именно, иногда, – фыркнула Холли. – Чаще всего она несет какую-то ерунду! Илана, садись в машину, будем решать, что дальше делать.

Юджин открыл дверцу, пропуская меня на заднее сидение, потом вернулся на свое место за рулем. Холли устроилась рядом с братом и принялась ему объяснять, почему же мне нужна помощь. Парень внимательно слушал, слегка сдвинув брови к переносице.

– Нет, ну мы, конечно, обычно более важными делами занимаемся, – медленно и сурово высказался Юджин, развернувшись ко мне. Холли согласно закивала, поджав губы и часто моргая.

– Знаешь, бывает так, что надо поезд на полном ходу остановить, если у него вдруг тормоза отказали. Ну, или, к примеру, падающий самолет из крутого пике вывести силой мысли. Или ураган утихомирить суперспособностями...

Тут уже Холли не выдержала и разразилась хохотом:

– Ой, не могу, болтун!

Я молча улыбалась, наблюдая за отношениями брата и сестры. С одной стороны, конечно, здорово, что они постоянно обмениваются шутками и колкостями и при этом отлично ладят. С другой стороны, начинало казаться, что поток юмора становится бесконечным, и у меня появились сомнения в правильности своего решения. Зря я приняла предложение Холли, пока что мы никуда не продвинулись.

– Мне, наверное, лучше вернуться к вокзалу, – промямлила я, нащупывая ручку дверцы. – Подожду еще немного на перроне, может, Линдси все-таки появится.

Холли сердито толкнула брата в плечо:

– Доигрался? Видишь, к чему приводят твои неумные шуточки? Лучше бы что-нибудь дельное сказал!

– А мне всегда говорили, что я остроумный, – пожал плечами Юджин. – Ладно, все. Просто хотел разрядить обстановку. А если по делу, то Илана была права, когда говорила тебе про телефонный справочник. И ходить даже никуда не надо, у меня есть электронный, совсем недавно обновлял. Сейчас посмотрим.

Он уткнулся взглядом в телефон и начал быстро водить указательным пальцем по его экрану.

– Пока ищу, подумай, что будешь делать, если твоей подруги здесь не окажется. Ну так, на всякий случай. Тут недалеко есть небольшая гостиница, можешь в ней остановиться. Если решишь остаться подольше, можешь снять квартиру. Ну, а если вдруг тебе у нас так понравится, что не захочешь уезжать, Холли поможет работу найти...

– А вы часто тут встречаете случайных приезжих и так обстоятельно все рассказываете? – поинтересовалась я, мысленно извиняясь перед Юджином за свои сомнения.

Он с любопытством взглянул на меня:

– Честно? Ты первая! Ну вот, готово: есть трое Гринвудов, но никого с именем Линдси. Если только кто-то из них не приходится твоей подруге родственником. Будешь звонить?

Я растерялась. Кажется, уже настолько завралась, что скоро начну путаться. И морочу голову нормальным людям. Впрочем, сейчас выяснится, что никто не знает мою Линдси, и тогда вопрос можно будет считать закрытым.

– Страшновато выяснять что-то у незнакомых людей, – честно призналась я, испытывая при этом небольшое облегчение: хоть в этом не соврала.

– Давай, я позвоню, – легко предложила Холли. – Мне совсем не сложно.

В то время, как она набирала номера и разговаривала по телефону, Юджин завел машину:

– Пока Холли все выясняет, предлагаю добыть какой-нибудь еды. Я с утра ничего не ел, да и ты, наверное, тоже голодная.

Я молча пожала плечами. Мне было трудно сообразить, какая сумма денег у меня есть с собой, и в каком виде. Очень хотелось где-нибудь уединиться, разобраться в вещах и бумагах, которые я наспех заталкивала в свою довольно объемную сумку, да и просто окончательно почувствовать себя в безопасности. К тому же взбудораженное состояние еще не прошло, поэтому голод пока не давал о себе знать.

Краем уха я слушала, как Холли обзывает всех местных Гринвудов. Она вежливо просила пригласить к телефону Линдси, затем извинялась и объясняла, что ошиблась номером. И так все три раза подряд. Закончив последний разговор, она с сочувствием посмотрела на меня:

– Все три мимо. Ни к кому Линдси не приезжала... А куда мы едем?

Юджин предложил ей самой выбрать, в какой закусочной остановиться, но Холли замахала руками и категорично заявила:

– Нет-нет-нет! Вези нас домой, я сама всех накормлю. А там и наш Цербер вернется, с ним посоветуемся. Он обязательно что-нибудь придумает.

Так, теперь еще и какой-то Цербер... Надеюсь, это только прозвище.

– Цербер? – на всякий случай уточнила я, уже представив себе мифического монстра с мощным человеческим телом и головой безумной собаки. В одной руке он держал отрубленную голову быка, способную убивать своим дыханием, а в другой – голову козла, взглядом поражающую жертву насмерть.

– А, это наш страшный старший двоюродный брат, – отмахнулась Холли. – Всегда на страже, чтобы никто из нас не влип в неприятности.

– Не хочу никого обременять своими проблемами, – почти выдохнула я, прогоняя жуткий образ и совершенно не понимая, что делать дальше.

– Серьезно? – переспросила Холли. – Обременять проблемами? Ой, только не сердись на меня за то, что я тебе сейчас скажу. Мы живем в небольшом и довольно спокойном городке, где почти никогда и ничего не происходит. И тут появляешься ты – одинокая, потерянная, но со своей интересной историей. Ищешь пропавшую подругу... Да для меня это почти настоящее приключение!

Я не нашлась, что ответить, и какое-то время мы ехали молча. Первым не выдержал Юджин. Немного прибавив громкость, он опять начал подпевать очередной песне, пытаясь копировать все интонации. Под его интерпретацию «Маленького черного сердца» машина свернула с главной дороги и направилась к отдельно стоящему двухэтажному дому.

«Ты говоришь, становится лучше. Говоришь, что все в порядке. Но я никогда не чувствовал такой темноты в сердце, как этой ночью».

* * *

Мне было тринадцать лет, когда умер Гарольд Кроуфорд.

К этому времени я уже начала понимать, мы не просто ученики в этой школе, мы – пациенты. Как директор и сказал во время самого первого нашего разговора, все детки здесь были особенные. Возможно, талантливые тоже, только вот таланты раскрывались очень медленно... Другими словами, все мы были с разными отклонениями, которые сильно затрудняли бы обучение в обычной школе. А мистер Кроуфорд с его уникальными методами лечения оставался для нас, возможно, единственной надеждой на исцеление. По крайней мере, даже я начала замечать, как за эти четыре года изменилась Линдси. Она стала внимательной, собранной и выражала свои мысли намного яснее, чем раньше, уже не путаясь в словах.

С пониманием пришло и разочарование. Не в занятиях или окружающих меня детях, нет, к ним ко всем я уже привыкла. Я стремительно разочаровывалась в себе самой. Значит, мама была права, когда считала меня ненормальной. Раз уж я здесь, значит, это так.

Своими выводами я поделилась с единственной подругой. Она слушала очень внимательно, сидя напротив меня на своей кровати и сосредоточенно обкусывая ногти.

– Нет, ну то, что ты глупая, я всегда знала, – Линдси пожала плечами и манерно закатила глаза. – Ладно, не обижайся, это шутка. На самом деле, ты простых вещей не понимаешь!

– Это каких же?

– Начнем с того, что это не психиатрическая больница, правильно? Здесь нет откровенных сумасшедших, которые кидаются на стены, там, или бросаются кирпичами в людей. Я знаю, у нас в доме была такая соседка. Она жила на первом этаже, прямо напротив лифта, и очень часто выглядывала из своей квартиры, немного приоткрыв входную дверь. Когда кто-нибудь подходил к лифту, она выскакивала и бросала в него кирпич.

– Ничего себе!

– Вот и я о том же. Здесь таких буйных нет, так ведь?

– Так тут все еще маленькие...

– Я думаю, – важно изрекла Линдси, – что от возраста это буйство не зависит. Рассуждаем дальше, как в задачках на логику. Раз таких психов здесь не держат, а ты все еще здесь живешь, делаем вывод: ты – не псих! А! Как тебе?!

Я засмеялась: настолько комично моя подруга изображала из себя великого мыслителя.

– Согласись, логично? – потребовала Линдси.

– Соглашаюсь!

– Идем дальше. Ты раньше всех нас перешла... скажем, на другой уровень. Начала заниматься по обычной школьной программе, и даже проходишь что-то там дополнительно, да?

Это тоже было правдой. Гарольд Кроуфорд настоял на том, чтобы я выбрала несколько курсов для школьников, которые можно было изучать заочно.

– Дурочка ты моя, да ты среди нас просто гений!

Я зашлась в приступе хохота и свалилась на кровать.

– Ты чего?! – возмутилась Линдси.

– Последнее твое утверждение – просто жемчужина логики!!!

– Смейся, сколько хочешь, – вдруг погрузилась подруга. – Тебе в любом случае не грозит исключение из этой школы, будь ты хоть четырежды гением...

– Что значит «исключение»? – я моментально перестала смеяться и села.

– То и значит, что здоровым тут не место, – резко ответила Линдси. – Какой в этом смысл? Когда старик убедится, что со мной все в порядке, я отправлюсь домой и буду ходить в обычную школу.

На меня как будто бомбу сбросили. Пытаясь подобрать нужные слова, я молча смотрела на свою единственную подругу. Она опять начала кусать ногти, глядя в пол.

– Подожди, – с трудом выдавила я, – это же, наверное, хорошо? Значит, тебе больше не надо проходить все эти тесты и процедуры. Ты вернешься к родителям! Начнешь жить, как все остальные нормальные люди! И не будет больше этой «жуткой жути»...

– Ты не понимаешь, да? Здесь классно! Несмотря ни на что, мне нравится этот дом, мне нравится тут учиться... Мне нравятся плюшки с корицей, в конце концов!

– С мокрицей, – почти шепотом поправила я её, чувствуя, как защипало в глазах. – Раньше ты всегда говорила «с мокрицей».

Глаза Линдси распахнулись до невероятных размеров. Она заворожено смотрела на меня, потом вдруг рухнула на кровать, уткнувшись лицом в подушку, и зарыдала. Пересев к ней поближе, я стала гладить её по голове.

– Не плачь, не надо, может, мистер Кроуфорд еще не скоро решит, что ты совсем здорова...

Совершенно бессмысленное утешение, но я сказала именно то, что хотела услышать моя подруга.

Линдси что-то промычала в подушку.

– Я не понимаю, что ты там говоришь. Вынырни, пожалуйста!

– Я стала забывать про мокрицу... то есть, я теперь даже говорю пра-а-а-вильно-о-о!

– Хватит выть, ты пока еще здесь. Гарольд с тобой уже разговаривал о твоём состоянии?

– Н-нет.

– Тогда с чего ты взяла, что все так плохо? Успокойся. Мне, конечно, странно, что ты не хочешь выбраться из этого...

– Азкабана? – Линдси повернулась ко мне, улыбаясь сквозь слезы.

– Хотела сказать, из Алькатраса, но пусть так.

– А как ты думаешь, почему я старательно грызу ногти и продолжаю себя странно вести?

– Ты прикидываешься, чтобы остаться?!

– Вот именно!

– Тогда порядок, ты точно не в своем уме! Будешь жить в этом доме до глубокой старости. Только кирпичами ни в кого не бросайся, ладно?

– Хорошо, кирпичами не буду, – согласилась Линдси, понемногу успокаиваясь. – Помогите мне придумать еще какие-нибудь симптомы, а? Ну, чтобы это не выглядело слишком уж дико и было похоже на прежнюю меня.

Я покачала головой:

– Думаю, такого врача, как мистер Гарольд, будет очень сложно одурачить придуманными симптомами. Тем более таким мелким глупындрам, как мы. Тут нужен основательный подход, учебники всякие почитать... Да мы с тобой там все равно ничего не поймем.

– Это ты сейчас слишком заумно высказалась, – поморщилась Линдси. – Я же тебе говорю: попроще!

– Знаешь, подруга, что я думаю: даже если ты начнешь писаться по ночам в постель и глупо улыбаться всем подряд, мистер Гарольд тебе все равно не поверит. Он тебя четыре года наблюдал, работал с тобой. С какой стати тебе становилось бы хуже?

– Допустим, именно я и не поддаюсь лечению его методами, – упрячилась подруга.

– Линдси, не глупи. Я видела в библиотеке кучу его книг, в интернете тоже... Он – психиатр с мировым именем! А ты ему раз! – и подкладываешь свинью тем, что его методы якобы не работают...

– Раз, и... да, – не договорив, подруга замолчала и задумалась.

– Если для тебя это настолько важно, верни пока в строй своих мокриц, – предложила я. – И другие фирменные «заболталки». Может, этого хватит, чтобы он хотя бы озадачился?

– Я еще что-нибудь придумаю, – заверила меня Линдси. – Вот увидишь!

Немного помолчав, она многозначительно добавила:

– А по тебе хорошо видно, что методы старика работают... Ты совсем другая стала. Умная. Смелая.

– Я-то? Да я только для виду бодрюсь. Знаешь, какая я трусиха... Ночью куда-то далеко из комнаты уйти, например... да ни за что!

Линдси вытаращила на меня глаза:

– А давай вместе куда-нибудь ночью забредем? В другое крыло. Или в библиотеку... Может, в сад? Проверим.

– Это в нашем-то «доме с привидениями»? С ума сошла?

Но подруга уже загорелась идеей. В итоге мы договорились провести пробную ночную «вылазку», чтобы пройтись хотя бы по нашему этажу. Еще пару дней шушукались в перерывах между занятиями, обсуждая подробности.

И вот однажды, поздно вечером, когда в комнатах погасили свет и в коридоре смолкли голоса и затихли шаги, мы с Линдси остались молча сидеть в постелях почти до полуночи, многозначительно переглядываясь в полумраке. Время было выбрано не случайно, скорее, для создания соответствующего настроения: начитавшись в библиотеке всяких мистических историй, Линдси считала полночь самым таинственным моментом в сутках. Она следила за минутной стрелкой и в определенный момент кивком подала знак: «Пора!». Одновременно поднявшись с кроватей, мы подошли к двери.

– Готова? – спросила она, широко распахнув глаза.

– Уверена? – задала я ей встречный вопрос.

Вместо ответа подруга взялась за ручку задвижки, и аккуратно потянула её в сторону. Затем медленно открыла дверь и, затаив дыхание, на цыпочках вышла в коридор. Я сделала пару шагов следом и остановилась рядом с ней, прислушиваясь к дому и осматриваясь.

Одно дело, когда выбегаешь ночью из комнаты напрямик в туалет, который находится совсем рядом, в двух шагах, и спросонья не обращаешь внимание на темные тени в углах. Даже не задумываешься о них, потому что есть определенная цель... И совсем другое – когда осознанно собираешься зайти немного дальше, заранее подстегивая свой страх разными фантазиями о призраках и монстрах, поджидающих тебя под покровом темноты.

Ночное освещение коридора было как обычно приглушенным и мягким. Мне показалось, что в густом и обволакивающем воздухе слышно размеренное дыхание притихшего и заснувшего дома.

Линдси легонько толкнула меня в бок локтем и показала на соседние комнаты. Двери в них были приоткрыты, а в третьей по счету горел свет. Комната «ночного дежурного», в которой всегда оставался кто-то из персонала, чтобы присматривать за воспитанниками и при необходимости им помогать. Сейчас оттуда не доносилось ни звука, но это не означало, что там никого нет.

Я разочарованно пожала плечами и жестами предложила вернуться, но подруга замотала головой и начала осторожно красться по коридору. Глядя на носки на её ногах, я порадовалась нашей предусмотрительности: нехстати звонко шлепнувший тапок мог бы в любой момент оборвать ночное приключение.

Линдси медленно прокралась мимо комнаты дежурного, затем немного ускорила шаг и спряталась за угол: там коридор расширялся, образуя небольшой прямоугольный холл, в котором стояло несколько кресел и невысоких столиков для игр и отдыха. Выглянув оттуда, подруга помахала мне рукой, подзывая к себе.

Я отправилась к ней, делая каждый следующий шаг увереннее и спокойней. Вдруг появилось чувство, что я когда-то ходила так же тихо и крадучись, как кошка, стараясь не наступать на скрипучие половицы, словно пробиралась по минному полю... Отогнав наваждение, я обнаружила, что уже стою за углом, рядом с Линдси.

Вдвоем мы бесстрашно преодолели зону отдыха и небольшой коридор за ней и остановились около главной лестницы, прислушиваясь к тишине.

– Пойдем вниз? – шепотом спросила я у подруги.

– Мы же решили, что выйдем на улицу, и только потом вернемся, – скороговоркой выпалила она, нащупав и сжав мою руку.

Мы стали спускаться по ступенькам. На площадке между пролетами Линдси вдруг вцепилась в меня обеими руками и забормотала мне в ухо:

– Что-то не так, чувствуешь? Снизу прямо волной идет и на нас надвигается! Это опять та жуткая жуть! От нее воздух темнеет, видишь?

Она вытаращила глаза и задышала часто-часто, показывая куда-то вниз. Там никого не было, но стены вдруг покачнулись, и темнота словно подступила к нам ближе.

– Я не могу здесь оставаться, – замотала головой подруга. – Нет-нет-нет, тут жутко. Идем обратно!

– Нет тут никаких привидений, – попыталась возразить я, но она вдруг странно вздохнула, словно всхлипнула, оттолкнула меня и побежала вверх по лестнице.

Я осталась стоять одна, прижавшись к стене. Все вокруг расплывалось и медленно вращалось, сворачиваясь в темные вихри. Чтобы их не видеть, я закрыла глаза и медленно опустилась на пол, забившись в угол.

* * *

Наверное, я заснула и просидела в этом углу слишком долго, хотя ноги даже не затекли. Головокружение понемногу проходило и, открыв глаза, я увидела, что стены и лестница снова на своих местах. От паники тоже почти не осталось следа, и я решила, что смогу выйти из дома, утерев нос трусишке Линдси. Она права – я стала намного храбрее и увереннее, чем раньше. Надеюсь, подруга без проблем вернулась в нашу комнату. Пусть теперь ждет меня там и волнуется.

Я встала и решительно спустилась на первый этаж. Остановилась на самой нижней ступеньке, разглядывая непривычный ночной вид главного входа в дом. Здесь было намного темнее, чем наверху. К тому же из глубины правого коридора доносился странный звук. Похолодев, я скосила глаза в его сторону и медленно повернула голову. На меня смотрела темнота, густая и непроглядная в центре и с шевелящимися полупрозрачными щупальцами по краям. Она угрожающе шипела на меня, как змея, то ли пугая, то ли предостерегая.

– Я тебя не боюсь, – твердо прошептала я, пристально всматриваясь в плотный сгусток и стараясь убедить себя в том, что шипение не издает какое-нибудь чудовище, скрывающееся в недрах коридора.

Словно поверив моим словам, темнота немного рассеялась, и в самом её сердце показалась узкая полоска тусклого света. Извивающиеся на стенах тени-щупальца тянулись ко мне, поглаживая и обнимая, и призывали продолжить путь внутрь. Туда, откуда шел свет, и где находился кабинет Гарольда Кроуфорда.

У меня была возможность сделать выбор. Я все еще стояла около лестницы и могла быстро вернуться в свою комнату. Но вместо этого, как замороженная, пошла на негнущихся ногах к источнику непонятного шума.

Дверь в кабинет была открыта настежь. Я продвигалась к ней, прижимаясь спиной к противоположной стене, пока не подобралась настолько близко, чтобы понять, что звук слишком походит на свистящий хрип.

«Уходи, не суйся туда», – уговаривал меня внутренний голос, на который я не обращала внимания и упрямо продолжала идти вперед. Оставалось сделать последний шаг и немного вытянуть шею, чтобы увидеть, что происходит.

– А вдруг ему нужна помощь, – почти вслух предположила я и заглянула в кабинет.

Взгляд тут же наткнулся на рабочий стол директора, освещенный зеленоватым светом настольной лампы. Мистер Гарольд сидел в кресле, навалившись туловищем на стол и вытянув вперед руку. Станный хрип исходил именно от него.

«Может, он так храпит? – мысль в моей голове прозвучала каким-то чужим голосом. – Вернись в комнату и забудь!»

Чувство противоречия одержало верх, и я шагнула внутрь, чтобы все рассмотреть.

Директор лежал, положив голову на вытянутую руку, окруженный книгами и бумагами, которые были чем-то испачканы. Сам он изредка вздрагивал и хрипел, но уже немного тише. Я подошла еще ближе, думая о том, что же ему сказать, если он вдруг проснется... В свете лампы блеснула ручка ножа для бумаги, который обычно стоял в специальном держателе для канцелярских принадлежностей. Вот только сейчас эта ручка торчала из-под подбородка мистера Кроуфорда. Бумаги на столе были забрызганы кровью.

Я хотела крикнуть, позвать на помощь, но от испуга не могла издать ни звука. Сделала несколько шагов назад, потом резко развернулась, чтобы побежать за кем-нибудь из взрослых, и задохнулась от ужаса: в темном углу возле книжного шкафа высоко над полом повисло белое, немного размытое пятно с двумя черными провалами, похожими на глаза. Оно медленно двинулось на меня, постепенно становясь отчетливее и приобретая черты, и, наконец, превратилось в лицо Джарета.

Мои ноги в носках заскользили по полу, и я упала навзничь, ударившись головой и потеряв сознание.

Глава 5. Ладан, тлен и белые цветы

«Всегда буду о тебе заботиться»

Машина въехала во двор, и автоматические ворота плавно закрылись, оставив далеко позади шумную площадь около вокзала и неторопливо-размеренную жизнь маленького городка. У семьи Холли и Юджина здесь был свой мир. Когда я только начинала изучать изобразительное искусство на заочных курсах, мне попался один подходящий термин, способный описать дух этого места, – пастораль. Двухэтажный коттедж, цветочные миксбордеры в пейзажном стиле, зелень деревьев, прозрачный воздух, голубое небо... Не хватало только белокурой розовощекой пастушки, утопающей в облаках кружева, и овечки, похожей на сладкую вату, намотанную на четыре палочки...

Благодаря отсутствию классических пасторальных персонажей этот мир не выглядел приторным до тошноты. Скорее, даже гармоничным: удачно подобранная цветовая гамма растений создавала ощущение почти невесомой легкости и умиротворения. То здесь, то там взгляд выхватывал куртины¹ цветущей лаванды, серебряные листья полыни и высокие свечи-соцветия левкоев.

Почему-то мелькнула мысль, что за домом наверняка есть веранда с подвесными качелями и плетеной мебелью, а в глубине сада обязательно должна прятаться круглая ажурная беседка.

Краски сада настраивали на творческий лад, жаль, что этюдник пришлось бросить в школе... Оставалось только рассчитывать на то, что в ближайшее время я смогу устроиться на работу, и тогда сразу же куплю все необходимые художественные принадлежности. Возможно, у меня получится немного задержаться в гостях у Холли, чтобы сделать хотя бы набросок этой чудесной деревенской идиллии.

Юджин подъехал к крыльцу и заглушил двигатель. Холли указала ладонью на дом и театрально провозгласила:

– Добро пожаловать в уютный домик семейки Паркин! Здесь вы встретите много странных вещей, включая смешение стилей и вкусов его обитателей, но в целом тут очень даже неплохо. Без ползающих отрубленных рук, огромных черных пауков и бутылок с зельями.

– Я видел около полусотни последних, – вмешался Юджин. – В винном погребе.

– Ох, надо же, не подумала! А ты тоже хорош, мог бы промолчать. Нельзя так сразу выдавать все тайны, интриговать надо постепенно. И вообще, твоя задача – выгрузить из багажника все покупки и отнести их в дом. Я пока покажу Илане комнату, где она сможет немного отдохнуть с дороги.

– Как всегда, – притворно возмутился Юджин. – Делает покупки она, а разгружать и таскать мне. И что, никто не хочет мне помочь? Даже совсем немного?

Но Холли уже потащила меня в дом, не обращая внимания на слова брата.

– Так, у нас есть комната для гостей в конце коридора, справа от черного входа. В ней отдельный вход в ванную комнату, там есть все, что нужно. Вот тут, слева, видишь? Это кухня-столовая, справа – лестница на второй этаж и в подвал. Ну, это все потом. Тебе сюда.

Она почти втолкнула меня в комнату и вошла следом.

– Ну, как? Светло, уютно и удобно. Окно, шкаф, кровать... Да, напротив – кабинет-библиотека, через него можно пройти в зимний сад.

¹ Куртина — группа из 10 и более растений, чаще всего одного вида (деревья, кустарники, злаки, цветы), высаженная в виде компактного массивного островка.

– Не думаю, что сейчас мне захочется что-нибудь почитать или полюбоваться орхидеями, – вырвалось у меня.

Холли осеклась и озадаченно нахмурила брови.

– Извини, – поспешила я исправить ситуацию. – Я пыталась пошутить! Но до вас с Юджином мне далеко, пока только глупости получаются.

– А, ладно, – снова улыбнулась она. – Главное – постоянные тренировки, как и в спорте. Оставайся у нас подольше, мы тебе дадим несколько мастер-классов.

Холли вдруг внимательно посмотрела на меня:

– Не сбежишь через окно?

– Зачем?

– Вот и хорошо, – обрадовалась она. Потом, вдруг спохватившись, бросилась к шкафу:

– Так, чуть не забыла! Полотенца здесь, а вот тут возьми, что ли, рубашку и брюки. Для домашнего костюма вполне подойдет. Будет тебе немного великоват, но не страшно. Все, пока, я на кухню. Приходи, когда сможешь.

Холли подмигнула и ушла, прикрыв за собой дверь, а я осталась одна в чужой комнате, да что там – в чужом доме, пытаюсь прийти в себя от шокирующе быстрой смены событий. Сначала аккуратно присела на край кровати, потом все-таки откинулась назад, на мягкое и прохладное покрывало, и принялась задумчиво разглядывать потолок. Как будто там могли быть ответы на мои вопросы или необходимые мне объяснения! Ни одной трещинки, которая своим узором дала бы мне подсказку, что делать дальше.

Пока все складывалось невероятным образом удачно: и бегство из школы, и дорога, и поддержка со стороны новых знакомых. Наверное, это вполне логично – принять такую помощь. Самостоятельность буду проявлять, когда обзаведусь собственным жильем... Мысли тут же скакнули к сумке, которая лежала рядом на полу, и увязли в умиротворенной лени. Радуюсь временной передышке, я уже не стремилась разбирать свои вещи, а просто наслаждалась тишиной и покоем.

Дыхание выравнивалось и превращалось в волны, которые плавно укачивали и уносили куда-то в бескрайний океан. Пространство между мной и потолком заполнилось горизонтальными полосами темно-золотого света. Они медленно двигались, меняясь друг с другом местами, становясь то уже, то шире, то выше, то ниже, и эта игра света гипнотизировала настолько, что невозможно было оторвать от неё взгляд. Еще немного – и я почти задремала с открытыми глазами.

Непонятный гулкий стук вырвал меня из расслабленного состояния. Подпрыгнув на кровати, я озадаченно осмотрелась. Передо мной было большое окно; на подоконнике снаружи сидела довольно крупная птица с яркой красно-оранжевой грудкой. Одним крылом она била по стеклу, уткнувшись желтым клювом в раму и заглядывая в комнату. Когда я подошла ближе, она завертела головой, рассматривая меня то одним глазом, то другим, и приподняв крыло, словно приветствуя.

– Линдси, – прошептала я, медленно протягивая руку к стеклу, туда, где было крыло птицы. – Дай пять...

Птица еще раз хлопнула крылом по стеклу, потом вспорхнула и улетела, а я осталась задумчиво стоять у окна. В какой-то момент вдруг поймала себя на мысли, что смотрю на плетеное кресло, стоящее под окном на веранде. Улыбнувшись, я перевела взгляд на деревья, скрывающие забор, и увидела в самом углу странное деревянное строение. Оно казалось слишком маленьким для сарая с инструментами, и в то же время было довольно солидным для обычной собачьей конуры. Присмотревшись внимательнее, я заметила две миски, прикреплённые к доске и приподнятые над дощатым настилом. Похоже, это всё-таки был дом для собаки, причём крупной, но самого животного не было видно. Да и весь этот уголок сада выглядел почему-то заброшенным и тоскливым.

* * *

Брат и сестра ждали меня в просторной кухне. Холли что-то перемешивала большой деревянной ложкой, стоя у огромного стола, а Юджин смотрел телевизор, полулежа на длинном угловом диване. В центре стола стояла ваза с букетом из мелких белых цветов, похожих на крошечные хризантемы. При виде их у меня перехватило дыхание.

– А я уже собиралась за тобой идти, – увидев меня, сообщила Холли. – Подумала, что ты могла прилечь и заснуть.

– Там была птица за окном, вот я и застряла. Она решила со мной познакомиться.

– Что за птица? – бросил Юджин, не поворачивая головы.

– Не знаю, такая темно-серая, с оранжевой грудкой...

– С желтым клювом? – уточнила Холли. – Тогда это странствующий дрозд, они к нам иногда прилетают. В следующий раз обязательно попроси его спеть, дрозды красиво поют.

– Тебе помочь? – я подошла к ней и кивнула, показывая на кухонный стол.

– Нет, не надо, мне Юджин помог. Видишь, отдыхает теперь, все силы свои истратил на схватку с листьями салата.

– Да я их все просто порвал! А еще покрошил эти твои жутко вонючие зеленые дубинки. У меня, наверное, отравление их ядовитыми парами...

Холли фыркнула:

– Стебли сельдерея крошил не ты, а овощерезка. И не отравление это, а обыкновенное увиливание. Илана, ты ешь сельдерей? Если ты тоже считаешь, что это редкостная гадость, я не буду добавлять его в салат...

– Не знаю, не пробовала, но это не важно. Делай так, как считаешь нужным.

Где-то в коридоре хлопнула дверь. Я вздрогнула от неожиданности и вопросительно посмотрела на Холли.

– А вот и наш Цербер, – улыбнулась она. – Но ты не бойся, он на самом деле очень добрый и совсем не страшный.

Почему-то её слова меня несколько не успокоили. Опустив глаза, я машинально взяла со стола какой-то фрукт и стала вертеть его в руках.

– Холли! – донеслось из коридора. – Ты сегодня готовишь изысканную отраву? Твой крысиный яд убивает уже на входе в дом.

Юджин расхохотался.

– Вот она, благодарность, – вздохнула Холли. – Я готовлю для всех, стараюсь, а мне даже нельзя съесть веточку любимой немного ароматной зелени...

Она стряхнула кусочки овощей с ложки, постучав ею несколько раз по краю большой стеклянной салатницы, ухватила её двумя руками, как клюшку для гольфа, и угрожающе подняла повыше. Насупившись и старательно сдерживая смех, она смотрела на дверь и ждала.

– В этом доме давно не пахло едой, приготовленной на гриле, – голос приближался, сопровождаемый звуком шагов: Цербер неторопливой и размеренной походкой направлялся в нашу сторону. – Ты со своей травой скоро превратишь нас с Юджином...

В этот момент на пороге кухни появился высокий темноволосый мужчина, в серых джинсах и такой же серой футболке. Обычный человек, без отрубленных голов животных в руках, как я его себе представляла. Он увидел меня рядом с Холли, и осекся на полуслове. На его лице мелькнуло что-то вроде недоумения.

– ...в горных козлов, – медленно договорил он, слегка наклонив голову в сторону и переводя взгляд с меня на сестру, и обратно.

– Та-а-ак, спасибо, что предупредили, – в его голосе прозвучала неприкрытая ирония.

– Кен, это Илана. Илана, это Кен, – быстро произнесла Холли. – Мы тут ужин готовим...

Юджин даже отвернулся от телевизора, забыв о нем напрочь, и с нескрываемым любопытством наблюдал за старшим братом. Я тоже не сводила глаз с того, кого мои новые знакомые называли Цербером. Его лицо показалось мне очень знакомым, и я на какое-то время почти выпала из реальности, пытаясь понять, кого же он мне напоминает.

– Я не помню, чтобы среди твоих подруг была Илана, – голос Кена вернул меня обратно на кухню. – И я не помню, чтобы когда-нибудь видел Илану в нашем городе.

Холли тяжело вздохнула и начала объяснять Церберу, почему я оказалась в их доме. Тот слушал молча, прислонившись к стене и иногда качая головой. Когда Холли закончила, он потер пальцами переносицу, цокнул языком и посмотрел на Юджина:

– Ну ладно, она – безмозглое создание, никак не повзрослеет, но ты-то? Оба из подгузников не выросли?

– Мы вообще-то человеку помочь хотели, – обиженно произнесла Холли. – Сам ты безмозглый... и бесчувственный!

– Помочь можно было, обратившись в полицию, не отходя далеко от вокзала, – отчеканил Кен. – Вы вообще хоть что-нибудь соображаете? Дом уже показали, наверное, да? Рассказали, что и где находится... Можно еще код от сейфа написать, чтобы ей не пришлось трудиться и запоминать. Хотя, зачем? Лучше просто самим открыть и все отдать!

– Послушайте, это уже слишком, – не выдержала я. – Я понимаю всю нелепость ситуации, но обвинять меня в том, что я какая-то преступница... И Холли с Юджином ни в чем не виноваты!

Кен поднял указательный палец и направил его на меня:

– Я вежливо тебя прошу: пожалуйста, не мешай воспитательному процессу. Я очень хочу, чтобы они запомнили все, что я сейчас сказал, и больше никогда не приглашали в дом совершенно чужих людей...

Он опять покачал головой и вдруг усмехнулся:

– Как маленькие, честное слово!

У него оказалась очень приятная улыбка. Чем дольше я на него смотрела, тем сильнее убеждала себя в том, что они с Юджином и Холли чем-то похожи. Конечно, они родственники, так и должно быть. Немного отличаются цветом глаз и волос, но одинаковые черты лица просматриваются у всех троих. Может, поэтому его лицо и показалось мне знакомым?

– Кажется, обошлось, – прошептала мне Холли. – Обычно он на нас долго не ругается.

– Ладно, чего стоите? Задабривайте меня съедобными подношениями, – Кен наконец подошел к столу и сел на высокий стул. – Желательно мясными, от травы я еще больше озверею... Так ты – Илана?

Я растерянно кивнула.

– Илана, а дальше?

Затылок и шею сковало от ужаса: я никак не могла вспомнить свою новую фамилию. Цербер выжидающе смотрел на меня. С каждой секундой его взгляд становился тяжелее и пристальнее, словно пробирался ко мне в голову и читал мои мысли.

– Давай ты попозже потребуешь предъявить документы, а? – поморщившись, вмешалась Холли и поставила перед Кеном тарелку с чем-то горячим. – Можно же просто посидеть за столом и поговорить, не превращая беседу в допрос.

– Профессиональная деформация личности, – ввернул Юджин, присаживаясь около Кена. Холли вернулась ко мне и встала рядом.

– Вы оба рано расслабились, я пока не подобрел окончательно... И в нашем городе ты ищешь свою подругу, – Кен снова переключился на меня. – Еще раз, как её зовут?

– Линдси Гринвуд, – ответила Холли.

Кен задумался, глядя на меня и слегка прищулив глаза.

– Ерунда какая-то! – резюмировал он после небольшой паузы. – Имя знакомое, даже более, чем... Но не стыкуется, никак. Нужно будет кое-что проверить, придется приютить тебя на пару дней...

На меня вдруг навалились усталость и какое-то безнадежное безразличие. Я смотрела на белые цветы в центре стола и думала о том, что мне уже все равно: пусть проверяет, выясняет все, что хочет, а у меня больше нет сил, чтобы нервничать и переживать из-за его подозрений и своего вранья. Будь, что будет, идти мне некуда. Обратно к Джарету я в любом случае не вернусь.

* * *

Такие же белые цветы я срезала для похорон Гарольда Кроуфорда.

На следующий день после той ужасной ночи, когда мы с Джаретом встретились в кабине около тела его отца, я проснулась в своей постели от ощущения, что меня раскачивают из стороны в сторону. С трудом открыв глаза и повернув голову, я увидела Линдси, сидевшую на полу возле моей кровати. Она с тревогой смотрела на меня своими огромными глазами и настойчиво дергала за рукав пижамы.

– Ты опять долго спишь, а тут столько всего происходит, – громко зашептала она, приблизившись к моему лицу. – Вставай!

– Пока не могу – голова болит, – пожаловалась я. – Что происходит-то, рассказывай.

– Мистер Гарольд умер! Нам поэтому сегодня занятия отменили... Тут и полиция, и врачи были. Увезли его, миссис Андерс сказала, какую-то экспекстицию будут делать...

– Экспертизу, наверное, – машинально поправила я подругу, заметив, что она опять запуталась в слове. – Не волнуйся так, говори дальше.

– Джарет ходит мрачный, ага, – закивала Линдси. – Все взрослые в шоке. Я слышала, спрашивают друг друга, что теперь со школой будет?

– А что с ней случится? – не поняла я.

– Джарет с ней случится, глупая! А он совсем не такой, как мистер Гарольд. Он нас ненавидит, точно! Нас всех тут скоро не будет, да... Вот увидишь, ага! Я знаю, почему он такой злой, – запнувшись на мгновение, она придвинулась еще ближе, чтобы поделиться своим страшным открытием. – Джарет – тот самый король гоблинов!

– Ой, ладно! – сдержать неуместный смех не получилось, и из меня все-таки вырвался какой-то хрюкающий звук.

– Не смейся! – почти обиделась подруга. – Я серьезно, ага! Я это поняла, когда мы кино смотрели, где странные оранжевые чудики головами кидались... Не зря его также зовут. И к тому же, я знаю, кого он выбрал в королевы...

– Линдси, птичка, ты чего-то сильно испугалась? – перебила я её, не в силах слушать эту чушь дальше.

– Так я тебя полночи ждала, когда ты вернешься! – воскликнула она со слезами в голосе. Затем опять перешла на громкий шепот:

– Ждала, не дождалась, уснула, вот. Потом проснулась, когда дверь открылась. Думала, ты пришла, а это Джарет был, ага! Хорошо, что я не встала... Он и не понял, что я не сплю. А он тебя принес, и ты как мертвая на нем висела, на плече, ну как накидка! Я испугалась, думала, что он тебя убил! Он тебя на кровать положил, глаза тебе открывал, фонариком светил, смотрел что-то. Я подглядывала, да... Джарет потом ушел, а я к тебе подошла, чтобы послушать, дышишь ты или нет.

Я слушала сумбурный рассказ подруги и вспоминала наплывающее на меня светлое пятно, превратившееся в лицо младшего Кроуфорда. Но решила ничего не говорить и без того напуганной Линдси.

– А где ты так долго пропадала? – наконец, спросила она.

– Я упала на лестнице и стукнулась головой о ступеньку, – пробормотала я. – Наверное, там меня Джарет и нашел.

Она немного подумала и согласилась:

– Да, наверное... Это тебя жуткая жуть столкнула, ага! И мистера Гарольда тоже она убила. Только, я думаю, никакая экспекстиция этого не поймет. Потому что они ничего про жуть не знают. Надо им рассказать, как думаешь?

Мне стало до слез жаль подругу: ночные переживания и сильный испуг вернули её в прежнее состояние. Ей больше не надо было выдумывать какие-то симптомы и прикидываться, она снова стала бестолково щебечущей птичкой, путающей слова. Сдерживаясь, чтобы не разреветься, я задала решающий вопрос:

– Сегодня на завтрак давали твои любимые плюшки?

Она довольно заулыбалась:

– С мокрицей? Конечно! Я две взяла, свою и твою, только съела уже, ты же ведь спала!

– Ничего, подожду до следующего раза... А про жуть надо кому-то рассказать, обязательно.

Линдси радостно кивнула и заботливо погладила меня по руке:

– Так ты встанешь?

– Позови, пожалуйста, миссис Андерс. Скажи ей, что я стукнулась головой и меня тошнит, пусть таблетки принесет, хорошо?

Подруга нахмурила брови, и я решила, что поставила перед ней невыполнимую задачу. Но она справилась. Сходила за нашей доброй старушкой и даже смогла ей объяснить, что от неё требуется. Они вернулись в нашу комнату вместе, миссис Андерс меня осмотрела и сделала укол, от которого я снова заснула и проснулась только к вечеру.

Джарет к нам не заходил ни в этот день, ни на следующий. Все это время в школе не было никаких групповых занятий. Миссис Андерс вместе с остальными взрослыми возились с теми детьми, которым был нужен дополнительный уход и постоянное внимание. Мы с Линдси могли обходиться без посторонней помощи, поэтому сами придумывали, чем заполнить свободное время. Жизнь в доме словно замерла в одном и том же унылом и горестном моменте.

Только на третий день я увидела Кроуфорда-младшего. После ужина мы направлялись к лестнице, чтобы подняться в свои комнаты. Он стоял в коридоре напротив, прислонившись к стене и скрестив руки на груди, и с обычным непроницаемым выражением лица исподлобья смотрел на вереницу детей. Мы встретились с ним взглядом, и он, оттолкнувшись от стены, жестом позвал меня к себе. Линдси сжала мою руку, но я шепнула ей, что все в порядке, и пошла к Джарету. Он указал мне на кабинет директора и пропустил меня вперед, а сам последовал за мной мрачной молчаливой тенью.

В кабинете мистера Гарольда был бардак, на полу валялись книги и бумаги. Джарет закрыл за нами дверь и встал за моей спиной.

– Посмотри на этот беспорядок, Николь, – тихо и вкрадчиво произнес он. Его голос прозвучал совсем рядом, около моего уха. – Здесь все осталось также, как было той ночью, когда ты сюда заходила. Что ты искала, Ники? Той ночью, когда умер отец? Я видел тебя, и знаю, что ты тоже меня видела. И теперь ты считаешь, что я убил отца, так ведь? Но я видел намного больше, чем ты думаешь... Я повторю свой вопрос: что ты здесь искала?

– Н-ничего, – я пожала плечами, стараясь не показывать, насколько меня напугали его слова. – Я только заглянула и увидела мистера Гарольда... Меня больше ничего не интересовало.

– Хочешь сказать, это была не ты? – Джарет развернул меня лицом к себе и иронично ухмыльнулся, приподняв бровь. – Может быть, знаешь, кто?

«Конечно, знаю, – промелькнул в голове ответ. – Ты сам здесь все перевернул, больше никому!»

– Нет, я не знаю, – твердо произнесла я. – И не надо обвинять меня в том, чего я не делала.

– Осмелилась дать отпор, надо же! Случайный проблиск храбрости у овцы, решившей загнать снежного барса на край глубокого ущелья. Ну-ну... Не разгоняйся слишком сильно, а то затормозить не успеешь.

– Не понимаю.

– И не надо. Главное, что я все понимаю. Я тогда просто оказался рядом и видел, как ты заходишь к нему в кабинет. И пока ты стояла около стола и разглядывала его, я наблюдал за тобой из темного угла.

– Наблюдал? Так почему же не бросился помогать?

– Потому что я все равно не смог бы ему помочь, у него уже была финальная стадия агонии. А вот твое появление оказалось куда интереснее...

Джарет резко отстранился и пристально посмотрел на меня.

– Ну, раз ты не помнишь, зачем приходила в первый раз, то я не буду тебя дольше задерживать. Свободна!

В первый раз? Не понимая, о чем он говорит, я молча повернулась и взялась за ручку двери. И тут услышала вдогонку:

– Да, и... Отца привезут в эту субботу. Он будет похоронен в фамильном склепе, здесь, на нашей земле. Ты, как член семьи, должна присутствовать.

Обернувшись, я увидела Джарета стоящим около окна. На меня он уже не смотрел, словно меня там и не было.

* * *

Гарольд Кроуфорд вернулся домой в субботу днем, как и говорил Джарет.

Мы с Линдси сидели на нашем дереве, когда во двор въехали две черные машины. На крыльцо вышла миссис Андерс, кто-то еще из персонала. Все были одеты в черное. Глядя на них, моя подруга съехала на ветке, обхватив колени, и сдавленно произнесла:

– Они все похожи на черных ворон. Раньше только Джарет, а теперь все-все. Они теперь всегда так будут одеваться, как думаешь? И нас заставят? Мы тогда все станем черными воронами, ага! Ужас...

Я промолчала, но ей и не нужен был мой ответ.

– И зачем его сюда привезли? Это же жуть, как страшно, ага! Он умер, а его обратно в дом вернули...

Мне было грустно и совсем не хотелось слушать бесконечную болтовню Линдси, от которой голова шла кругом.

– Мне надо идти. Я должна набрать цветы для букетов. Ты лучше ступай в нашу комнату и не думай ни о чем плохом...

Она замахала руками:

– Нет, нет, я тут посижу!

Спустившись с дерева, я побрела к садовнику за ножницами, выбрав длинный путь вокруг дома, чтобы не смотреть на машины и на черных людей-ворон на крыльце. Затем отправилась в сад, не зная толком, какие нужны цветы и в каком количестве, поэтому срезала только белые розы и махровый тысячелистник. Задумавшись, вышла к площадке с неработающим фонтаном, и вздрогнула, увидев там Джарета. Он стоял как вкопанный, совершенно не двигался и безотрывно смотрел на дом.

«Он не плачет, потому что взрослый, – подумала я в тот момент. – Но хоть что-то он должен чувствовать?»

Тут он заметил меня.

– Приехали уже?

Я кивнула.

– Это всё для него? – он посмотрел на цветы. – Белые? Интересный выбор. Духовная чистота и святость... Ну-ну. Подходи ближе, не бойся!

Он отвернулся от дома и стал смотреть в другую сторону.

Я стояла рядом с Джаретом и вдыхала горьковато-пыльный аромат мелких белых цветов, похожих на крошечные хризантемы. Потом набралась храбрости, и задала вопрос:

– Мистер Гарольд обещал обо мне заботиться и всегда быть рядом... Почему?

Джарет усмехнулся:

– Он когда-то и мне это обещал... Пока все эти сопливые недоумки не стали для него важнее. Забудь об этом, Николь. Это всё пустые слова. Одно из самых ничтожных обещаний... Зато теперь он точно никуда не денется, да? Будет совсем рядом, как и говорил.

– И всё-таки, почему? – не сдавалась я. – Меня можно было бы отдать в какой-нибудь приют, зачем принимать в семью чужого ребенка?

– Хочешь, чтобы я сказал, какой он был добрый и отзывчивый к чужому несчастью? Что он настолько проникся твоей судьбой, потянулся к тебе всей душой и решил сделать благое дело? Да не был он таким уж альтруистом. Всё гораздо проще: профессиональный интерес, который не позволил ему отдать интересный случай в другие руки. Хотел сам во всём разобраться, решил закончить начатое, а заодно придумал, как тебя использовать, чтобы манипулировать мной.

Джарет даже не смотрел в мою сторону. Засунув руки в карманы брюк и высоко подняв голову, он слегка раскачивался, то приподнимаясь на носках, то снова опускаясь на пятки. Я попыталась проследить его взгляд, и увидела среди деревьев крышу фамильного склепа Кроуфордов. Появилось ощущение, что Джарет разговаривает скорее с отцом, чем со мной. Притихнув, я слушала его откровения, пока еще не понимая, как к ним относиться. Очень не хотелось верить в то, что Гарольд Кроуфорд был чёрствым обманщиком.

– Это у него всегда хорошо получалось – манипулировать всеми подряд ради своей выгоды. И всегда старался найти себе пациентов с интересной историей болезни, чтобы посложнее... Про тебя бы тоже потом книжку написал. Нашел всё-таки, что искал...

Я перестала понимать, о чём он говорит, но решила не раздражать его и не переспрашивать. В тот момент Джарет казался невероятно одиноким и очень злым.

– Ты закончила? – вдруг обратился он ко мне.

Я опешила:

– Что закончила?

– Меня анализировать! – огрызнулся Джарет. – Психолог недоделанный... Цветы стричь закончила?

– Я не знаю, сколько нужно... Может, ещё добавить?

Он мельком взглянул на охапку цветов в моих руках:

– Достаточно, неси их в дом... Иди отсюда, я сказал!

Моя голова сама вжалась в плечи. Съёжившись, я развернулась и побрела через сад обратно к дому. Для меня каждый крик всегда был похож на удар кулаком. Догадывался ли об этом Джарет? Понятия не имею, скорее всего, он просто сорвался. Первый раз за всё это время он на меня рывкнул. Если раньше он сдерживал свои эмоции только из-за отца, то что будет теперь? Сердце бешено колотилось, мысли опережали одна другую, рисуя довольно мрачную картину будущего школы под руководством бессердечного монстра, который начнет на нас орать, а потом и лупить всех, кто скажет или сделает что-нибудь не так.

Я почти дошла до крыльца, когда сзади послышались быстрые шаги по шуршащему гравию дорожки, и голос Джарета меня окликнул:

– Стой!

Он стремительно подлетел ко мне и наклонился, чтобы наши глаза оказались на одном уровне. Потом заговорил, чеканя каждое слово:

– Убери это выражение с лица. Ты не жертвенный ягненок! Кто бы и что тебе не говорил, как бы тебя не обижали, никогда не показывай, что ты расстроена. Страх, боль в глазах тоже недопустимы. Иначе – допинают и растопчут. Безразличие – твой козырь, но не тупое, как у овцы, а внимательное, поняла меня?! И гнев не выдавай. Копи его, до подходящего момента... А теперь идём, скоро начнут приезжать соболезнующие. Будет много чужих людей. Держи себя в руках и не рыдай. Считай это испытанием на выдержку. Справишься?

Я неуверенно кивнула и пожала плечами.

– Ещё раз прошу, убери овцу из взгляда. Видеть не могу.

Поморщившись, Джарет выпрямился, открыл дверь и кивком показал мне, что я должна войти первой.

Мы направились в гостиную. У входа в просторную комнату ждала торжественно-печальная миссис Андерс; она забрала у меня цветы, чтобы расставить их в вазы. Джарет спокойно прошёл вглубь и замер около гроба с телом отца. Я медлила. Уже у порога гостиной повис тяжёлый пронзительный запах, с этого дня ставший для меня запахом смерти: смесь горьковато-пыльного аромата цветов с приторно-сладким свечного воска, смолисто-свежего дыма тлеющего ладана и резкой вони бальзамирующей жидкости, через которые пробивалась стойкая кисловато-пряная примесь разложения, забивавшаяся в нос и оседавшая на языке. В голове всё смешалось, перед глазами мелькали картинки из прошлого: как Гарольд Кроуфорд встречает нас с мамой, как улыбается и подмигивает на занятиях, как объясняет результаты моего теста для выбора будущей профессии. И фоном ко всем воспоминаниям звучали слова Джарета, сказанные несколько минут назад в саду: «Всего лишь профессиональный интерес...»

Глава 6. Мёртвая птица

«Буду всегда честно все тебе рассказывать»

Считается, что со временем у художников развивается чуть ли не фотографическая память. Для этого нужно постоянно включать воображение, наблюдать и воспроизводить по памяти сохраненные зрительные образы. Это или дар, который даётся не всем, или часть мастерства, которая нарабатывается благодаря систематическим занятиям. Из всего перечисленного у меня было предостаточно воображения, весьма слабо тренированная наблюдательность, и полное отсутствие систематического рисования по памяти. Чудесного дара я у себя тоже не наблюдала...

Когда-то Гарольд Кроуфорд настоял на том, чтобы я начала учиться живописи хотя бы на дистанционных курсах, но до настоящего профессионала мне было очень далеко. Сама себя я считала «самонедоучкой». По-видимому, из-за этого моя зрительная память меня и подвела. Иначе я сбежала бы ещё на вокзале, как следует присмотревшись к доброжелательной светло-волосой девушке, которая ко мне подошла.

А пока я каталась на эмоциональной карусели, и моё настроение мотало из крайности в крайность. Мне бы выдержку Джарета! Но я до неё, наверное, никогда не дорасту...

Цербер на какое-то время от меня отстал, давая возможность спокойно поесть и немного расслабиться. После ужина они с Юджином куда-то ушли, а мы с Холли остались убирать за всеми посуду.

– Вот видишь, ничего страшного не случилось, – ободряюще подмигнула мне она. – Кен отругал нас для профилактики, иногда это даже идёт нам на пользу. Думаю, на самом деле он рад, что столкнулся с таким интересным случаем...

Ну вот, опять! Скоро так и буду представляться всем незнакомым людям при встрече: «Здравствуйте! Я – Интересный Случай! Вас в какой области заинтриговать? Предлагаю на выбор: психиатрия, медицина, живопись или...»

– А чем так интересен мой случай для Кена?

– Ну, как же?! Кен – сотрудник полиции, а тут ты со своими загадками про исчезнувшую подругу. Это как... Как дать собаке-ищейке чью-то вещь и направить на поиск её владельца, понимаешь? Кен возьмет след, будь уверена!

«Лучше бы уж не взял», – подумала я, а вслух сказала:

– Какое-то сравнение с собакой... неуважительное, что ли?

– Да брось! Самое уважительное и самое точное. Кен – лучший во всём!

– Лучше Юджина?

Она опешила.

– Ну нет... Нет, я их не сравниваю, они оба лучшие. Но они – мальчишки, с тобой хоть поговорить можно. Знаешь, чего я хочу?

– Чего?

– Чтобы твоя Линдси подольше не нашлась, извини, конечно. Ты бы тогда у нас задержалась.

Нужно было что-то ответить, но в голове не было ни одной мысли, кроме: «Да, я тоже этого хочу!»

Выжидая, Холли наклонила голову и принялась поднимать и опускать брови, изображая «тот самый» щенячий взгляд, который используют герои разных фильмов, когда что-нибудь просят.

– Послушай, я не понимаю, зачем тебе это надо? Ты про меня совершенно ничего не знаешь. Я только появилась в вашем городе, а вы с братом так охотно привезли меня к себе

домой... Ваш Цербер был абсолютно прав: нельзя доверять чужим людям! Я – чужая, да, а вы меня приняли и... В голове не укладывается, почему ты мне веришь?

– Рано или поздно ты всё равно познакомилась бы с нами, – тихо сказала Холли. – А сейчас тебе кто-то должен помочь. Не мы – так другие. Так что успокойся. В нашем городе почти все знают друг друга. К тому же, – она улыбнулась, – ты внушаешь доверие.

– Серьезный аргумент, спасибо... А если вдруг окажется, что всё совсем не так? Что я не та, за кого себя выдаю?

Она посмотрела мне прямо в глаза и уверенно ответила:

– Если это так, значит, у тебя есть на это причины. И тебе тем более нужен кто-то, кому бы ты могла доверять. Хотелось бы мне быть именно таким человеком. В общем, захочешь что-нибудь рассказать, у меня есть свободные уши и рот на замке. А сейчас идем на веранду. Оттуда прекрасно видно закат. Шикарное зрелище!

* * *

Открытая веранда с навесом огибала дом с трёх сторон. Она начиналась от крыльца главного входа, пролегла под большим окном кухни, заворачивала за угол и тянулась вдоль столовой, переходившей в гостиную, снова поворачивала и упиралась в стену гаража сразу за окном комнаты, в которую меня так любезно вселили. Попасть на неё можно было через три двери: переднюю, боковую и заднюю. Боковая оказалась совсем рядом, в гостиной, стоило только протянуть руку и отодвинуть занавеску. Холли убрала в сторону полупрозрачную ткань и распахнула огромные стеклянные створки, впуская в дом прохладный вечерний воздух.

Мне пришлось найти предлог, чтобы забежать к себе, лихорадочно покопаться в сумке и постараться запомнить новую фамилию. В одном из внутренних карманов неожиданно оказалась открытая пачка сигарет и зажигалка. Находка меня озадачила: если это лежит в моей сумке, значит, принадлежит мне. Пока я жила у Кроуфордов, я не курила, это я хорошо помню. Тогда зачем я её купила и, тем более, открыла? И, да, когда мы с настоящей Иланой разговаривали ночью в поезде, у каждой из нас была сигарета в руке. Но сейчас они мне совершенно не нужны, пусть отправляются обратно в потайной карман. А я вернулась обратно к гостеприимной хозяйке.

Холли уже сидела на качелях – широком деревянном диване с мягкими подушками, прикреплённом цепями к балке навеса. Она поджала под себя ноги и откинулась на спинку. Заметив меня, кивком пригласила устроиться рядом.

Я мельком взглянула на сад, который с этой стороны дома оказался больше, чем задний дворик, и увидела среди деревьев белую ажурную беседку, увитую лианами.

– Кассандра! – гордо, хоть и не вслух, напомнила я ехидному внутреннему голосу, который на этот раз смущенно промолчал.

Я присела рядом с Холли, не отрывая взгляда от фантастически красивого неба, которое окрасилось в яркие цвета. Боже, мне срочно нужен мой этюдник!

– Красиво, правда? – девушка была явно довольна произведенным на меня впечатлением. – Тут такое световое шоу почти каждый вечер. Удачная планировка дома и сада, и в итоге ничто не мешает любоваться открытым небом.

– Красиво – не то слово... Потрясающе, да! У тебя есть альбом или большой блокнот, пастель или акварель?

– Зачем? – удивилась она.

– Это обязательно нужно написать!

– Это можно сфотографировать, – снисходительно произнесла Холли, наводя камеру телефона на оранжево-красное с фиолетовыми размытыми небо.

– Возьми немного левее, – послышался голос Кена, появившегося в дверном проеме. – Иначе кадр засветишь.

Холли послушалась. Кен подошел ближе и встал за спиной у сестры, чтобы оценить вид на экране телефона, который она всё ещё держала в приподнятых руках.

– Ты готова бросить вызов природе и цифровым технологиям? – с улыбкой обратился он ко мне.

– Природе – нет, технологиям – возможно... А, вообще, у меня даже пальцы заныли, требуют дать им кисти.

– Вон, смотри, наверное, это твой знакомый дрозд! – вдруг подскочила Холли, указывая на тюльпанное дерево. – Ох, у него действительно грудка цвета заката! Невероятно...

– Здесь такие вечера не редкость, – спокойно произнес Кен. – Если так хочется творить, найдём мы тебе завтра всё, что для этого нужно. Вдруг потом окажется, что мы пригтели художника, который затмит Ван Гога или Моне.

Холли перевела на него изумлённый взгляд:

– Кен! Ты меня удивляешь. Никогда не знала, что ты интересуешься живописью и разбираешься в художниках.

– По-твоему, если полицейский, значит, обязательно твердолобый идиот с дубинкой? Не забывай, что я ещё и твой брат, и вообще, хорошо воспитан.

В это время на веранде появился Юджин. Прислушиваясь к разговору, он присел на перила, развернувшись к нам вполоборота. Скользнул взглядом по деревьям и вдруг несколько раз тихо, но продолжительно свистнул, словно подзывая собаку. Неожиданно для всех, дрозд спорхнул с ветки, подлетел к веранде и тоже сел на перила, как будто не замечая никого из нас.

Юджин очень медленно вытянул руку к птице, и та перепрыгнула к нему на пальцы.

Холли открыла было рот, собираясь что-то сказать, но Кен приложил палец к губам, покачал головой и чуть слышно прошептал:

– Не спугни...

Юджин снова тихонько свистнул. Дрозд немного повертел головой и вдруг ответил ему таким же тихим свистом. Так и оставшись с приоткрытым от удивления ртом и затаив дыхание, Холли снимала на телефон разговор брата с птицей.

Юджин с дроздом пересвистывались ещё пару минут, потом птица резко взмахнула крыльями и улетела.

– Ничего себе! – наконец выдохнула Холли.

– Мы с ним давно знакомы и уже достаточно долго тренируемся, – улыбнулся парень. – Илана, это ведь он прилетал к твоему окну? Он почти ручной, никого не боится. Может, раньше жил у кого-нибудь, а потом случайно вылетел и потерялся?.. Вы тут что-то про художников говорили, я мало что услышал. Мы с Фруктиком поём, а кто у нас тут рисует?

– Илана, – охотно отозвалась Холли и иронично приподняла бровь. – Фруктик?!

– А что, практически манго, – кивнул Юджин. – Пожалуйста, нарисуй нам с Фруктиком рекламный плакат к предстоящим гастролям!

– Болтун! – шутливо отмахнулась его сестра. – Нарисуй лучше меня.

– Это ещё почему? – возмутился Юджин.

– Просто потому, что я красивее тебя.

– Ладно, – подмигнув мне, вмешался Кен, – а я умнее и старше. Сложный выбор, да?

Они смешно заспорили, стали дурачиться, и получалось это у них так естественно, душевно и безобидно, что во мне шевельнулось что-то вроде зависти. Дружная семья, которой у меня никогда не было.

– Есть идея! – воскликнул Юджин. – Илана, нарисуй нас всех, всех троих в одном рисунке!

– Три в одном? Не на одном, я правильно поняла?

– Да, правильно! Что нужно принести?

– Белую бумагу, желательно плотную, простой графитовый карандаш, мягкий или твердо-мягкий, и ластик.

Юджин хмыкнул:

– Вот, пожалуйста, нарвался... Принесу, что найду. Извини, у нас тут даже чертежей никто не чертит, а ты мне про мягкость карандашей говоришь...

Он спрыгнул с перил и умчался в дом. Фруктик вернулся откуда-то на свое тюльпанное дерево и запел.

Пока мы ждали Юджина, Кен устроился в плетёном кресле, вытянув ноги и положив их одна на другую. В отличие от сестры, которая просто наслаждалась тихим вечером, старший брат выглядел немного озабоченным. Он то и дело потирал лоб, прикрывая при этом ладонью глаза. Мне почему-то казалось, что он рассматривает меня сквозь пальцы, и от этого всё больше становилось не по себе. Очень хотелось убежать подальше и спрятаться, но сколько уже можно от всех бегать?

Юджин вернулся с большим блокнотом и принёс несколько карандашей. Выбрав один из них, я занесла руку над чистым белым листом и внимательно посмотрела на своих троих натурщиков.

– Вы понимаете, что очень сильно рискуете? – задала я вопрос, улыбаясь. – Чья-то самооценка может в результате сильно пострадать. Я не профессиональный художник.

– Да ладно тебе, мы же сами напросились, – отмахнулся Юджин, устраиваясь на верхней ступеньке крылечка веранды.

Приглядываясь к каждому из них, я определила те самые черты, которые делали их похожими: высокие, четко очерченные скулы и средний по высоте правильный лоб. Глаза были у всех разные по цвету и по размеру, но с одинаковым небольшим прищуром. Сначала сделала набросок: аккуратные брови домиком от Холли, прямой нос и губы Юджина, а от Кена портрету достался подбородок и очертания нижней челюсти. Потом решила объединить все три шевелюры и получилось что-то вроде короткой стрижки, но с непослушными полудлинными прядями на лбу и вокруг лица...

Как всегда, увлекаясь процессом рисования, я совершенно отстранилась от всего происходящего вокруг. Заканчивала рисунок уже ни на кого не глядя, почти автоматически наносила штрихи и растушевывала пальцами, попирая все правила работы карандашом. Отведя в сторону руку и привычно сдунув с листа возможные мельчайшие частички грифеля, я вынырнула из другого мира и посмотрела на результат. На улице к этому времени уже стемнело, и на веранде включилось освещение.

С портрета на меня смотрел Джарет Кроуфорд. Как будто, отрешившись, я рисовала его по памяти. Именно его, а не своих новых знакомых. По коже пробежал холодок. Почти оцепенев и задержав дыхание, я смогла различить на портрете и брови Холли, и нос Юджина, и нижнюю челюсть Кена. Но на рисунке из них троих получился Джарет. Что это за наваждение?

У меня задрожали руки; карандаш и блокнот с портретом упали на деревянный настил веранды.

– Ты что?! – воскликнула Холли, подавшись вперёд, чтобы поймать мой сомнительный шедевр.

Юджин тоже рванул за ним, подобрал блокнот, посмотрел на портрет с некоторым недоумением и выдал:

– А интересно! Только кто это?

Кен подошёл к нему и тоже стал рассматривать рисунок.

– Думаю, брат, это мы. Если бы мы были одним человеком, то он выглядел бы именно так.

Прерывисто вздохнув, я постаралась взять себя в руки и через силу выдавила:

– Я же предупреждала, что может не получиться. Я всё-таки самонедоучка...

– Не скажи, выглядит-то вполне реалистично. Напоминает всех троих и кого-то ещё, – пожал плечами Юджин. – Мне нравится...

– Красиво, только странно, – оценила портрет и Холли. – Если ты его слепила из нас, то это Франкенштейн какой-то. Нет, правда красиво. Но странно...

– Повторяешься, сестрёнка, – усмехнулся Кен, протягивая мне блокнот вместе с карандашом. – Сохраню, пожалуй, у себя, можно? Автограф поставишь?

Я машинально накорябала в уголке что-то вроде росписи. Нервная дрожь понемногу проходила, но начала наваливаться усталость. Извинившись, я встала и ушла в свою комнату. Там просто рухнула на кровать и тут же провалилась в сон.

* * *

Ночь прошла без кошмарных сновидений. Утром меня разбудил осторожный стук в дверь. Подняв голову, я увидела, что в комнату заглядывает Холли.

– Ой, прости, я надеялась, что ты уже не спишь! Ты вчера ушла и пропала, я потом заглянула к тебе, но ты так быстро отключилась! Мальчишки уехали, а я могу сегодня остаться с тобой. Кстати, Кен обещал вернуться через пару часов, так что тебе лучше собраться.

– Куда собраться? – не поняла я.

– Поедете вместе к нему на работу. Он сказал, надо объявить твою подругу в розыск, ну, или что-то вроде этого. Завтракать будешь?

Я прикрыла лицо руками, делая вид, что протираю глаза. На самом же деле просто не хотела показывать Холли, насколько меня напугали её слова.

Она тем временем прошла к окну и распахнула тонкие занавески, впуская утренний свет в комнату.

– На этой стороне дома солнце появляется только после обеда, – объясняла она, сосредоточенно разглядывая что-то за окном. – Поэтому в первой половине дня... тут немного темно... Ой!

Холли вскрикнула и прижала ладони к губам.

– Что случилось?!

– Юджин, как же?.. Илана, посмотри!

Я вскочила с кровати и подлетела к ней. Прямо перед окном на веранде лежал дрозд, оранжевой грудкой кверху, с расправленными в разные стороны крыльями и свернутой набок головой.

– Ой, как Юджин расстроится, – причитала Холли. – Это же Фруктик, да?

– Почему ты думаешь, что это он?

– Скорее всего, он. Был бы это кто-то другой, мы бы тогда заметили живого Фруктика где-нибудь рядом... Бедная птица! Надо убрать её, как думаешь? Пока брат не вернулся. Пусть лучше решит, что дрозд улетел, да? Что же с ним произошло? Может, старый уже был?

Я не отрываясь смотрела на мертвую птицу под окном и не знала, что ответить стоявшей рядом расстроенной девушке. Я забыла, когда именно накануне закрывала занавески, или просто не придавала этому значения? И не понимала, почему дрозд умер именно под окном моей комнаты, как будто в огромном саду не нашлось другого места. Как будто он здесь для того, чтобы я вспомнила... Вспомнила про другую мертвую птичку. Птичку по имени Линдси.

* * *

Через неделю после похорон мистера Гарольда Джарет собрал весь персонал и всех воспитанников в библиотеке. Говорил что-то умное и важное о результатах работы своего отца, о том, что доведёт начатое им дело до конца и о том, что никого не выгоняет, но желающие

могут уйти сами. Новых детей он решил больше не принимать, а из присутствующих, по его мнению, половину можно отправлять домой. Насколько я помню, никто из персонала тогда не уволился, несмотря на гнетущую обстановку, надолго воцарившуюся в особняке.

«Жуткая жуть» проявляла себя гораздо чаще. Если раньше она выползала из стен только по ночам, да и то во время сильной непогоды, то теперь мы чувствовали её присутствие в доме даже днем. Может быть, не до такой степени, не до головных болей и тошноты, но мурашки и кратковременные приступы паники становились пугающе постоянными.

Среди тех детей, которых Джарет оставил, был и повзрослевший щуплый белобрысый Шон-Травинка, как прозвала его Линдси.

– Он качается на ветру, как травинка, ага, – кивала она, глядя на него. – Такой худой и лёгкий, на него дунешь – и он улетит, точно! Буду ему свои плюшки с мокрицами отдавать, пусть отъедается.

Шон тоже изменился благодаря мистеру Гарольду. Он уже не был таким постоянно задумчиво-забывчивым, как в первый год обучения. Кроуфорду-старшему удалось вытащить его из скорлупы, и теперь он мог почти нормально со всеми общаться. Иногда он всё-таки уходил в себя, но уже не так заметно и ненадолго.

Линдси решила его опекать и старательно таскала ему свои любимые лакомства. Её трогательная забота о Шоне вскоре стала заметна всем, но никто не подшучивал над их доброй и нежной привязанностью друг к другу. Птичка и Травинка, они всё больше времени проводили вместе: засиживались в библиотеке или гуляли вокруг дома, опасаясь уходить далеко в сад. Линдси считала, что там они могут заблудиться и встретить дух мистера Гарольда, а это напугало бы их обоих.

Иногда мы с подругой по-прежнему залезали на наше дерево, чтобы поболтать и поглазеть по сторонам. Но такие вылазки происходили всё реже и реже. Птичка начинала волноваться о том, как там без неё справляется Травинка, и улетаала к нему. К тому же, Джарет решил нагрузить меня дополнительной учёбой.

– Отец оставил распоряжения насчет тебя, – сказал он мне однажды, пригласив в свой кабинет, в котором всё оставалось так же, как и при Кроуфорде-старшем.

Я снова сидела в огромном кресле, смотрела по сторонам и слушала Джарета. Только он, в отличие от отца, устроился прямо передо мной, на краю массивного стола из тёмного дерева.

– Он хотел, чтобы ты закончила обучение по полной школьной программе. Дополнительно тебе предлагается на выбор дистанционно изучать несколько курсов. Он перечислил иностранные языки, живопись, фитодизайн, ещё что-то очень творческое и невероятно прекрасное... – Джарет вложил в последнюю фразу всю свою иронию, подтвердив её соответствующим выражением лица и сопроводив витиеватым взмахом руки. – В общем, скучать тебе не придётся. В принципе, ты могла бы ходить и в обычную школу, но, во-первых, никто тебя туда не будет возить каждый день. Во-вторых, поиск другой семьи для тебя не входит ни в мои планы, ни в завещание отца. И он совершенно ясно указал, что тебя нельзя определять ни в какие пансионы... Так что, выбирай, а я займусь документами. Всё понятно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.